

ЭОН

МИР ТРЁХ ЗАВЕТОВ

КНИГА 1

Виктория Радченко

**Эон: Мир Трёх Заветов.
Книга 1 - Вольные Тени**

«Автор»

2026

Радченко В.

Эон: Мир Трёх Заветов. Книга 1 - Вольные Тени / В. Радченко —
«Автор», 2026

Мир Эон держится на трёх Заветах. Свет и Тьма. Жизнь и Смерть. Узы и Свобода. Но что, если кто-то решит, что равновесие - это ошибка? Архитектор не хочет власти. Он хочет покоя. Вечного. И чтобы достичь его, он готов разорвать все Заветы до единого. Пятеро изгоев - совлинг-убийца, дварф-трус, падший эльф, целительница без прошлого и лучник, одержимый мстью - единственные, кто встаёт у него на пути. Они не друзья. Они едва выносят друг друга. Но когда мир трещит по швам, выбирать не приходится. Им предстоит пересечь континент, сразиться с древней магией и заглянуть в бездну. Но самое страшное - не монстры и не проклятия. Самое страшное - довериться друг другу, когда каждый из них привык быть один.

© Радченко В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Белая Тень	7
Глава 2. Безухий	11
Глава 3. Клятвопреступник	16
Глава 4. Целительница	22
Глава 5. Золотой	29
Глава 6. В подвале	35
Глава 7. Рынок Душ	41
Глава 8. Тени города	48
Глава 9. Глаза и уши	54
Глава 10. В катакомбы	58
Гла	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Виктория Радченко

Эон: Мир Трёх Заветов.

Книга 1 - Вольные Тени

Пролог

Он стоял на краю реальности и смотрел, как умирает мир. Вокруг него плавали осколки, это были обрывки чужих жизней, застывшие в пустоте, как мухи в янтаре: лицо ребёнка, замершие в крике, клинок, покрытый засохшей кровью, поцелуй, который был первым и возможно последним.

За осколками, в центре всего, висело Чёрное Солнце - огромная сфера из абсолютной тьмы, которая не отражала свет, а пожирала его. Оно росло, медленно, неумолимо. Однажды оно поглотит всё.

Он не хотел ждать.

— Они думают, что я враг, — соскользнули слова с его губ.

Это был не голос, а мысль, вплетённая в ткань реальности, как инфекция в кровь. Если бы смертный услышал его, он бы упал на колени и не поднялся.

Перед ним стоял человек в маске из обсидиана. Чёрное стекло скрывало лицо, только два глаза горели в прорезях, как угли.

— ...Думают, что я хочу уничтожить мир. Как же они ошибаются. Я хочу исцелить его. Убрать конфликт, остановить цикл, создать равновесие, которое не кончается.

Человек в маске молчал.

— Три Ключа. Когда я соберу их все, разорву все три Завета разом. Не будет больше разделения. Не будет вражды. Не будет боли. Будет только монотонность, идеальная, вечная... — Он помолчал. — Они назовут это концом. Я назову это началом.

— А если мне помешают? — голос человека в маске был скрежетом обсидиана о кость.

— О, тебе помешают. Так всегда бывает. Не убивай их сразу, иногда враг, которого ты пощадил, приводит тебя к цели.

— А если они не сдадутся?

Он впервые за долгое время издал звук, похожий на смех. Сухой, как треск льда под ногами.

— Тогда они умрут. Как умирали все герои до них.

Человек в маске исчез.

Он остался один.

— Начинается, — прошептал он в пустоту. — Снова.

Далеко, на южном берегу Моря Пепла, шёл дождь. Город под названием Нексус смердел рыбой, потом и тёмными сделками.

На крыше стояла фигура в плаще. Капюшон слетел, открыв лицо полярной совы и фиолетовые глаза, горящие в темноте.

В канаве под мостом кто-то бормотал: «Только не взорвись, только не взорвись...»

В портовой таверне эльф с тусклыми золотыми волосами проигрывал деньги, которых у него не было.

В лечебнице на окраине женщина с зелёными глазами прижимала к груди ребёнка.

Её брат стоял в тени, и думал о человеке, которого должен убить.

Они ещё не знали друг друга.

Но это была последняя ночь, когда они были одни.

Глава 1. Белая Тень

Дождь в Нексусе пах солью, ржавчиной и тухлой рыбой. Он стучал по черепице, по булыжникам, по спинам пьяных матросов, которые спали прямо в канавах, и по шёлковым зонтикам ночных бабочек, выстроившихся вдоль улицы Фонарей. В Нексусе дождь был делом привычным — он шёл триста дней в году, и местные давно перестали его замечать. Они просто накидывали капюшоны, поднимали воротники и шли дальше по своим делам, которые в этом городе всегда были тёмными.

Лираэль стояла на карнизе четвёртого этажа. Карниз был узким — в две ладони шириной, — но она не боялась упасть. Она была совлингом, а совлинги не падают, если сами того не хотят. Её расправленные крылья ловили ветер, помогая держать равновесие. Капли дождя скатывались по перьям, большой полярной совы, не задерживаясь, и падали вниз, на мостовую, где разбивались о булыжники с тихим, монотонным звуком.

Она ждала.

Ждать она умела. За семь лет одиночества — с тех пор, как её изгнали из Гнезда, когда её мантию сорвали с кровью, — она научилась терпению, которое граничило с оцепенением. Она могла стоять неподвижно часами, сливаясь с тенью, и только глаза двигались. Огромные, фиолетовые, занимавшие почти треть лица — и люди, видевшие их в темноте, потом не могли уснуть. Они сканировали улицу внизу, отмечая каждое движение: пьяный моряк, споткнувшийся о собственную ногу; крыса, перебегающая через дорогу с коркой хлеба в зубах; стражник, который слишком долго смотрел на окно с красным фонарём.

Её цель была в комнате под ней. Она не видела его — окно было задёрнуто плотной шторой из тёмного бархата, дорогая ткань, не из тех, что вешают в портовых ночлежках. Но ей и не нужно было видеть. Она чувствовала. Эмпатия — дар всех совлингов, который она отточила до бритвенной остроты, — работала как компас. Сквозь камень, сквозь дерево, сквозь ткань она ощущала эмоции цели, как тепло от печи.

Страх. Густой, липкий, как патока. Он пульсировал в висках невидимого человека, отдавался в груди, сковывал движения. Цель боялась. Цель знала, что за ней придут.

Вину. Грязную, старую, как пятно на рубашке, которое тёрли, но не отстирали. Цель сделала что-то плохое и знала об этом.

Надежду. Крошечную, глупую, отчаянную. Надежду на то, что, может быть, сегодня пронесёт. Может быть, убийца не придёт. Может быть, получится сбежать.

Лираэль знала этот букет. Она чувствовала его десятки раз. Каждая цель пахла одинаково, менялись только оттенки.

Она спрыгнула. Падение было бесшумным. Её перья гасили звук воздуха. Она приземлилась на балкон второго этажа, прямо перед окном цели. Штора была задёрнута неплотно — в щель пробивался свет тусклой свечи.

Цель была мужчиной лет пятидесяти. Человек, седые виски, лицо, которое когда-то было красивым, а теперь стало просто жёстким. Имперский офицер в отставке — она узнала выправку, аккуратно сложенный мундир на спинке стула. Он сидел за столом, перебирая бумаги, а его пальцы дрожали.

Лираэль прикрыла глаза и потянулась эмпатией глубже. Это было похоже на ныряние в мутную воду. Сначала — ничего, только серый шум чужих эмоций. Потом — детали, образы, вспышки памяти. Он продал информацию, список Свободных, которые проходили через Нексус. Ему заплатили. Он думал, что это просто бумага и не знал, что в списке были дети.

Она постучала когтем по стеклу. Мужчина вздрогнул, обернулся и увидел за окном фигуру. Белые перья. Огромные фиолетовые глаза. Лицо полярной совы, которое не могло принадлежать человеку. Он открыл рот. Крик застрял в горле.

Лираэль открыла окно — замок щёлкнул под её когтями, как сухая ветка, и вошла внутрь. В комнате сразу стало холоднее, свеча задрожала, тени на стенах потянулись к ней, как собаки к хозяину.

— Не убивай, — прошептал мужчина. — Пожалуйста. Я заплачу. У меня есть деньги. У меня есть связи. Я могу...

Она посмотрела на него - прямо в глаза, не мигая. И он вдруг понял. Не услышал — именно понял, как будто кто-то открыл дверь в его голове и положил туда мысль, холодную и ясную, как вода в горном ручье.

Ты продал Свободных.

Мужчина побледнел.

— Я не знал. Клянусь, я не знал, что там будут дети. Мне сказали - это просто беглецы, преступники. Я думал...

Она даже не шевельнулась, но он снова понял. Не слова — смысл, чистый и безжалостный.

Ты думал, что преступников можно продавать?

Он замолчал. По виску скатилась капля пота.

Имя!

— Заказчик. Маркус Тал. Имперский инквизитор. Охотник за головами Свободных. Он сказал, что заплатит за информацию. Он сказал, что это просто бюрократия. Я не знал...

Где он?

— Я не знаю. Клянусь. Он связывался со мной через посредника. Через человека в маске. Я никогда не видел его лица.

Человек в маске, интересно... Но не убедительно.

Она стояла неподвижно, глядя на мужчину. Эмпатия показывала: он не лгал. Он был сломлен. Напуган. Он был пешкой. Он заслужил наказание — но не смерть. Не сегодня.

Она в секунду оказалась рядом с ним, и воткнула свой теневой клинок в его костлявую кисть. Мужчина всхлипнул. Лираэль смотрела на него, и в её фиолетовых глазах не было ни гнева, ни жалости. Только холод. Только тьма.

Ты больше не работаешь на Империю. Ты уедешь из Нексуса сегодня ночью. Если я увижу тебя снова — я закончу то, что начала.

Он закивал, судорожно, как сломанная кукла.

— Да. Да. Я уеду. Я прямо сейчас...

Она ушла как тень, выпрыгнула в окно и исчезла в дожде. Ночь ещё не закончилась, а у Лираэль оставалось незаконченное дело.

Заказчик. Маркус Тал — тот был слишком крупной рыбой, чтобы ловить его сейчас, без подготовки, без плана. Но был другой. Тот, кто нанял её сегодня. Тот, чьи слова она услышала через посредника: «Он предатель, он продал Свободных, он заслужил смерть». Тот, кто лгал.

Она нашла его в таверне «Сломанный якорь» - забегаловке у порта, где пахло прогорклым жиром и дешёвым пивом. Он сидел в углу, спиной к столбу, и выглядел довольным. Перед ним стояла наполовину пустая кружка и тарелка с объедками. Он ждал, когда ему принесут весть о смерти предателя — или весть о том, что Белая Тень попала в ловушку.

Он не дождался ни того, ни другого. Лираэль вышла из тени за его спиной — он даже не понял, откуда она взялась, и приставила теневой клинок к его горлу. Фиолетовое лезвие, сотканное из сгущённой тьмы, не касалось кожи, но он почувствовал холод.. Тени в углах таверны дрогнули и потянулись к ней, как верные псы к хозяйке.

Заказчик замер. Кружка выпала из его пальцев и покатилась по столу, разливая остатки пива.

Она не произнесла ни слова. Она просто подумала - и он понял.

Ты солгал мне. Ты сказал, что он предатель. Ты сказал, что он заслужил смерть. Ты использовал меня.

— Я... я выполнял приказ, - прошептал он. Голос дрожал. Руки тряслись. От него пахло страхом - кислым, едким, как у всех, кто впервые оказался на другой стороне охоты. - Империя...

Империя далеко. Я близко.

Она отвела лезвие клинка от горла. На коже остался тонкий порез, который будет ныть каждый раз, когда он попытается солгать. Магия теней умела такое. Магия теней умела многое.

Не став слушать, она просто нырнула в тень и исчезла прежде, чем он договорил.

Рассвет был уже близок, когда Лираэль вернулась на крышу заброшенного храма в портовом квартале. Дождь наконец стих, и над морем появилась тонкая серая полоса — обещающее утро. Воздух стал холоднее. Ветер приносил с Моря Пепла запах соли и чего-то ещё — сладковатого, тошнотворного, как воспоминание о старых грехах. Лираэль сидела, обхватив колени руками, и смотрела на тёмную воду. Где-то там, на горизонте, висела чёрная точка — Чёрное Солнце. Его было видно даже отсюда.

Она думала о Маркусе Тале, О том, что охота, которую она вела семь лет, развернулась в обратную сторону. Теперь охотились на неё. Думала о полнолунии. Три дня. Всего три дня до того, как её тело сломается и перестроится в нечто иное. В зверя, который не различает друзей и врагов, который не помнит имён, который просто убивает. Ей нужно было найти убежище. Клетку. Место, где она не сможет навредить никому.

Где-то внизу, на улице, раздался хлопок — негромкий, как пробка из бутылки, — и вслед за ним крик:

— Да чтоб тебя! Опять дымится! Нет, не взрывается, просто дымится! Извините! Простите! Это не бомба! То есть это бомба, но она не взорвётся! Наверное!

Лираэль склонила голову набок — по-совиному, резко, на угол, который был бы невозможен для человеческой шеи. Дварф. В канаве. С бомбой. В Нексусе, где каждый второй — вор, а каждый третий — шпион, это было странно даже по местным меркам. Что дварф вообще делал в Нексусе? Дварфы редко покидали свои горы, а если покидали, то обычно по двум причинам: изгнание или смертельная опасность. Этот выглядел не опасным — скорее, отчаянным.

Он был высок для дварфа, и крепко сбит: широкие плечи, мощные руки, тяжёлые сапоги, которые сейчас по щиколотку утопали в грязи канавы. Ростом он был около полутора метров, но в нём чувствовалась сила — та, что бывает у тех, кто привык работать руками. Одежда его была потрёпанной — кожаная куртка, местами прожжённая, местами залатанная, с металлическими вставками на плечах, какие носят механики и подмастерья. На широком поясе висели подсумки, из которых торчали гаечные ключи, мотки проволоки и маленькие глиняные горшочки — те самые бомбы, одна из которых только что дымилась у его ног.

У него было широкое, грубоватое лицо с выступающими скулами и тяжёлой челюстью. Рыжая борода — огненная, с более тёмными прядями, — обрамляла рот, и в ней запутались крошки сажи. Волосы, густые и выющиеся, были собраны наспех и уже растрепались, выбиваясь из кожаного ремешка. А вот глаза... Лираэль задержала на них взгляд. Тускло-оранжевые, цвета остывающего металла, они горели на бледном лице, как угли, которые уже почти погасли, но всё ещё хранили тепло. В них не было злобы. Не было страха. Было что-то иное — упрямство, смешанное с отчаянием, как у зверя, который знает, что проиграл, но ещё не лёг.

И ещё она заметила: у него не хватало уха. Левого. На его месте был грубый шрам, частично скрытый волосами. Дварф, потерявший ухо, — это не редкость в бою. Но этот шрам не выглядел боевым. Он был... другим. Слишком неровным. Слишком старым.

Она уже собиралась отвернуться, когда что-то заставило её замереть.

Тень дварфа на стене — длинная, дрожащая в свете масляного фонаря - вела себя неправильно. Она не повторяла движений хозяина. Она замерла на месте, хотя дварф продолжал сует

титься, размахивал руками, поправлял очки. А потом тень — медленно, очень медленно повернула голову и посмотрела на Лираэль. В следующий миг тень метнулась в сторону и исчезла за углом. Как будто кто-то невидимый, прятаясь внутри чужой тени, только что выдал себя.

Лираэль вскочила. Крылья распахнулись, ловя ветер. Кто-то следил за ней, он умел прятаться в тенях — а это значило, что он владел магией, похожей на её собственную. Или, что хуже, знал того, кто владел.

Она нырнула в тень и бросилась в погоню.

Глава 2. Безухий

Гнарл ненавидел Нексус. Он ненавидел его запах — смесь тухлой рыбы, прогорклого жира и дешёвых духов, которой провоняла вся его одежда за те три месяца, что он здесь торчал. Ненавидел его жителей — воров, шлюх, мошенников и менял, которые обсчитывали тебя, даже когда ты не менял деньги. Не выносил его погоду — вечный дождь, вечную сырость, вечную плесень, которая росла на хлебе быстрее, чем он успевал его съесть. И особенно он терпеть не мог его канавы — глубокие, грязные, вонючие, в которых он проводил непозволительно много времени для существа, рождённого под землёй, в тепле и порядке горных чертогов.

Но больше всего Гнарл возненавидел тот факт, что канава на углу улицы Винной и переулка Трёх Свечей стала его домом.

— Это временно, — бормотал он, ковыряясь отвёрткой в дымящемся устройстве, которое прижимал к груди. — Совершенно временно. Через неделю, максимум через две, я продам новую партию бомб, расплачусь с Мастером Замков и сниму комнату. С окном. С кроватью. Может, даже с камином.

Устройство пыхнуло дымом ему в лицо. Он закашлялся, протёр глаза и продолжил:

— Или не продам. Или не расплачусь. Или меня убьют коллекторы, и тогда мне уже не понадобится комната.

Эта мысль неожиданно успокоила его. В конце концов, мёртвому дварфу не нужна крыша над головой. Мёртвому дварфу вообще ничего не нужно — и в этом было что-то почти освобождающее.

Он снова склонился над бомбой. Это была «Грохотунья» — его лучшее изобретение, если не считать того, что она имела свойство дымиться в самый неподходящий момент. Глиняный горшок, набитый алхимической смесью из селитры, серы и ещё кое-чего, что Гнарл предпочитал не называть вслух. Она не убивала — по крайней мере, не должна была. Её целью была создавать оглушительный грохот, облако дыма и всеобщую панику. Идеально для того, чтобы сбежать. Или чтобы привлечь внимание коллекторов, когда дымится.

— Да чтоб тебя! — он стукнул по горшку ладонью, и дым повалил гуще. — Опять дымится! Не взрывается, просто дымится!

Он поднял голову и увидел, что на него смотрят, коллекторы Мастера Замков

Две фигуры стояли на краю канавы — чёрные силуэты на фоне масляного фонаря. Высокие, широкоплечие, с дубинами в руках. Гнарл узнал их сразу. Он видел их третий раз за эту неделю, и каждая встреча заканчивалась одинаково — он бежал, они догоняли, он каким-то чудом ускользал.

— Гнарл, сын Торгрин, — сказал первый. У него был голос человека, который ел гравий на завтрак и запивал его расплавленным чугуном. — Ты должен триста золотых. Срок вышел вчера.

— Я знаю! — Гнарл вскочил, прижимая дымящуюся бомбу к груди. — Я всё помню! У меня почти готово новое изобретение! Оно... оно произведёт революцию в горном деле! Я продам патент и расплачусь с процентами! Дайте мне ещё неделю!

— Ты говорил это в прошлый раз, — сказал второй. У него не хватало переднего зуба, и он постоянно облизывал губы. Привычка, от которой Гнарлу хотелось помыться. — И в позапрошлый. Мастер Замков устал ждать.

— Я понимаю! Я ценю его терпение! Передайте ему мою глубочайшую благодарность и...

— Мастер Замков велел передать, — перебил первый, — что если ты не заплатишь сегодня, мы заберём твои руки. Он сказал, что руки у тебя золотые. А остальное — мусор.

Гнарл побледнел. Его руки. Единственное, чем он гордился. Единственное, что у него получалось. Если их отрубят, он станет никем. Просто безработным дварфом с откушенным ухом, коих в мире пруд пруди.

— А можно я заплачу не руками? - спросил он, и голос его предательски дрогнул. — У меня есть бомба. Очень хорошая бомба. Почти работает.

Коллекторы переглянулись. Первый вздохнул тяжело, как человек, который устал от глупых дварфов и их глупых бомб.

— Взять его.

Гнарл швырнул «Грохотунью». На этот раз она сработала. Раздался оглушительный хлопок — такой громкий, что у Гнарла заложило уши, а из окон соседних домов посыпались стёкла. Повалил густой серый дым, и улица исчезла в белом мареве. Коллекторы закашлялись, кто-то выругался, кто-то упал. Гнарл не стал ждать. Он развернулся и побежал - короткими, быстрыми шагами, на которые только дварфы и способны: не быстро, но очень упорно.

Он нырнул в переулочек, потом в другой, потом в третий. Ветры Нексуса гудели в узких проходах между домами, дождь хлестал по лицу, сердце колотилось где-то в горле. Он петлял, как заяц, и бормотал на бегу:

— Только не догоните, только не догоните, только не догоните...

Он вылетел на перекрёсток и врезался в кого-то. Это был не коллектор. Это было что-то другое, высокое, в плаще, намокшем от дождя, с лицом, которое Гнарл не сразу разглядел в суматохе. А когда разглядел — его сердце пропустило удар. Потом второй. Потом, кажется, остановилось совсем. Белые перья. Огромные фиолетовые глаза, горящие в темноте. Лицо полярной совы, которое не могло принадлежать человеку, короткий чёрный клюв, сердцевидный лицевой диск, взгляд, который казалось проникал прямо в душу и читал там всё, что Гнарл предпочёл бы скрыть.

Совлинг. Живой совлинг. В Нексусе. Утром. На том же перекрёстке, что и он. Гнарл открыл рот, нервно отходя от неё.

— Я... я не специально! - выдавил он. - Я просто бежал! За мной гонятся! Это не то, что вы подумали! То есть это именно то, что вы подумали, но я могу всё объяснить! На самом деле я...

Он осёкся. Что-то коснулось его сознания — нежно, почти незаметно, как дуновение ветра. И вдруг он понял. Просто понял - как будто кто-то открыл дверь в его голове и положил туда мысль. Чистую, ясную, спокойную.

Ты взорвал бомбу.

— Она не взорвалась! — выпалил он. — То есть взорвалась, но это была дымовая бомба! Она не убивает! Ну, почти никогда. Был один случай, но тот парень сам виноват, он стоял слишком близко, и я предупреждал, а он...

За тобой гонятся.

— Да! Коллекторы! Я должен денег! Много денег! Триста золотых! И они хотят отрубить мне руки! А руки — это всё, что у меня есть! Ну, ещё ноги, но ноги не такие талантливые!

Совлинг подняла когтистую руку, покрытую белыми перьями. Гнарл замолчал на полуслове. Из переулка, откуда он только что выбежал, послышались шаги и ругань. Коллекторы выбрались из дыма и теперь шли по следу.

Иди за мной, если хочешь сохранить руки.

— Что? — он моргнул. — Куда идти? Кто вы вообще? Вы демон? Вы пришли за моей душой? Потому что если да, то должны знать: она не очень ценная, за неё много не дадут, и...

— *Я не демон. Иди иди за мной!*

И она скользнула в тень. Буквально — в тень на стене, как в воду. Темнота сомкнулась за ней, и она исчезла. Гнарл застыл с открытым ртом. Он слышал о такой магии. Теневой Шаг. Ей владели только обладатели сумеречной магии, которых в мире было невозможно найти. А

если найти, то их можно пересчитать по пальцам. Он думал, что это легенды — но легенда только что нырнула в тень на его глазах.

Из темноты пришла мысль, настойчивая, требовательная:

Ты идёшь или нет?

Шаги за спиной приближались. Гнарл выдохнул, зажмурился и полез в тень. Ощущение было такое, будто он нырнул в ледяную воду. На секунду не стало ничего — ни верха, ни низа, ни звуков, ни запахов. Только холод. Только пустота. А потом чьи-то когтистые пальцы сомкнулись на его запястье и выдернули наружу.

Они оказались на чердаке старой церкви. Сыром, тёмном, пропахшем плесенью и старым вином. Где-то капала вода — размеренно, неторопливо, как метроном. Свет проникал только через узкое окошко под потолком, да и тот был мутным от грязи. В углу стояли пустые бочки, покрытые паутиной. На полу валялась солома — старая, прелая.

Гнарл сел на перевёрнутый ящик и попытался отдышаться.

У тебя спина дымиться — Раздался голос совлинга в голове дварфа.

Гнарл в ужасе скинул с себя рюкзак. Его бомба дымилась, он достал её и начал машинально ковырялся в ней отвёрткой, чтобы она не взорвалась окончательно. Пальцы дрожали, но работали привычно — руки помнили то, чему он их учил годами.

Его спасительница стояла у стены, сложив крылья за спину, а руки на груди, и молча смотрела на него. Её глаза горели в темноте, как два фиолетовых фонаря. Она не шевелилась. Она вообще, кажется, не дышала.

— Спасибо, — выдавил Гнарл. — За то, что спасла. Я думал, они меня убьют. Или отрубят руки. Или сначала отрубят, а потом убьют. Я не знаю, в каком порядке они планировали, но в любом случае спасибо.

Она ничего не ответила. Но в его голове возник образ — кивок. Простой, почти незаметный.

Пожалуйста.

— Ты... ты не говоришь? — спросил он. — То есть вообще? Совсем? Я слышал, что совлинги могут говорить, но ты...

Она смотрела на него, и в её взгляде было что-то, чего он не мог понять. Что-то старое. Что-то больное.

Я не говорю, — пришла мысль. *Уже давно.*

— Почему?

Тишина. Потом — образ. Разорванная мантия. Кровь на белых перьях. Дверь, закрывшаяся перед лицом. Чувство — глубокое, как колодец, — одиночество.

Гнарл понял. Не умом — сердцем. Он сам чувствовал то же самое, когда стоял на палубе корабля и смотрел, как Глубинный Престол исчезает за горизонтом. Когда отец сказал: «Ты опозорил клан». Когда дверь за ним закрылась — навсегда.

— Ты изгой, — сказал он тихо. — Как и я.

Она не ответила. Но её взгляд стал чуть мягче. Он опустил взгляд на свои руки, и заметил царапину, он не понял когда успел её схлопотать. Наверное, когда бежал через переулок и задел рукой острый камень. Или когда ковырялся в бомбе и осколок глины вошёл под кожу. В любом случае, кровь текла по запястью — не сильно, но достаточно, чтобы испачкать рукав.

Совлинг заметила, и шагнула к нему — бесшумно, как призрак, опустилась на корточки рядом с ящиком. Её когтистые пальцы осторожно взяли его руку. Гнарл замер. Прикосновение было холодным, но не неприятным. Она достала из складок плаща полоску чистой ткани и начала перевязывать рану.

Двигалась она медленно, аккуратно. Без слов. Без мыслей. Просто делала то, что нужно. Гнарл смотрел на неё, и что-то внутри него — что-то, что он прятал глубоко, за слоями страха

и самоуничтожения, — вдруг шевельнулось. Она не смеялась над ним. Она не называла его трусом. Она не говорила, что он бесполезен. Она просто перевязывала ему руку.

— Ты не демон, - сказал он.

Она подняла глаза.

— Ты... ты просто изгой. Как я. Ты прячешься. Ты одна. Ты...

Он осёкся. Она приложила палец к своему клюву — когтистый, покрытый мягкими перьями.

Тихо, — пришла мысль. — *Не сейчас.*

И он замолчал. Она закончила перевязку и вернулась к стене. Гнарл сидел, глядя на аккуратный узел на запястье. Он думал о том, что никто и никогда — ни отец, ни наставники, ни друзья, которых у него не было, — не перевязывал ему раны. Он всегда делал это сам. А теперь кто-то другой кто-то с фиолетовыми глазами и лицом полярной совы — сделал это за него. Без просьбы. Без ожидания благодарности.

— Я Гнарл, — сказал он. — Сын Торгрины. Из клана Хранителей Печей. Но все зовут меня Безухим.

Он ждал ответа. Вместо слов в его голове возник образ: белая сова на фоне полной луны, расправленные крылья, фиолетовые глаза. И имя — *Лираэль*. А потом ещё один образ, который люди передавали шёпотом в портовых тавернах: тень, скользящая по крыше, и два слова — *Белая Тень*.

— Я слышал о тебе, — сказал он. — Говорят, ты убиваешь людей.

Говорят.

— А на самом деле?

Пауза. Потом — мысль, простая и холодная, как вода в горном ручье.

Только тех, кто заслужил.

Гнарл кивнул. Это было... справедливо? Он не знал. Но он решил, что существо, которое говорит «только тех, кто заслужил» — и которое только что перевязало ему руку, — вряд ли убьёт его за неудачную шутку.

Они просидели в подвале около часа. Гнарл, успокоившись, начал болтать. Он рассказывал о Глубинном Престоле, о кузнях Вечного Огня, о том, как он впервые взорвал печь в отцовской мастерской и его чуть не изгнали из клана. О корабле, на котором сбежал. Это была старая посуда, которая скрипела так, что заглушала шторм. Говорил о Нексусе, о Рынке Душ, о том, как его обсчитали в первый же день и он остался без гроша.

Лираэль слушала. Она не отвечала, ни словами, ни мыслями, — но её глаза следили за ним, и иногда она чуть заметно кивала. Гнарл не был уверен, интересно ли ей, или она просто ждала, когда он заткнётся. Но она не уходила. И это было... ново. Приятно.

— ...и тогда я сказал: «Это не бомба, это устройство для направленного геологического исследования». А они сказали: «Ты взорвал банк». А я сказал: «Это было исследование!» В общем, с тех пор меня не пускают в Центральный Квартал.

Она склонила голову набок. Её перья чуть дрогнули.

— Ты смеёшься надо мной? - спросил Гнарл.

Немного.

— Ладно. Я заслужил.

Он улыбнулся — впервые за долгое время. И в этот момент что-то в его груди снова шевельнулось. Тепло. Маленькое, робкое, как первый росток весной. Он не знал, что это. Он не хотел это называть. Но он понял, что хочет остаться с ней.

— Я могу... — он замолчал. — Я могу пойти с тобой? Не навсегда. Просто... пока. Я хороший механик. Я чиню вещи. И бомбы делаю. Ну, ты видела.

Она долго смотрела на него. Потом пришла мысль, медленная, осторожная.

Ты боишься меня.

— Да, — честно ответил он. — Но я боюсь почти всего. Это ничего не значит.
Ты думаешь, что я чудовище?

— Я знаю, что ты спасла меня. И перевязала руку. Чудовища так не делают.
Она помолчала. Потом кивнула, по-совиному, всем корпусом.

Хорошо. Пойдем со мной.

— Правда? Ты не шутишь? Потому что если ты шутишь, это злая шутка, и я...

Не шущу. Но тебе придётся многому научиться.

— Чему?

Не умирать.

Гнарл сглотнул.

— Это... звучит разумно.

Они спустились с чердака на улицу, по потайной лестнице, когда начался день. Солнце пряталось за тучами, иногда лишь выглядывая лучиками. Дождь прекратился, но воздух был влажным и холодным. Лираэль шла впереди — бесшумно, как тень, — а Гнарл семенил сзади, стараясь не отставать. И уже начал планировать, чем он может оказаться полезным. Её плащ был порван на левом плече — он заметил это, пока она перевязывала ему руку. У него была иглолка и нитки в рюкзаке. Он мог бы заштопать. Её арбалет висел на поясе, и тетива была ослаблена, слышал это по звуку, который та издавала при ходьбе. Он мог бы подтянуть. Её сапоги протекали — он видел мокрые пятна на коже. Их можно было бы смазать их жиром.

Он не знал, почему ему хотелось это сделать. Просто хотелось.

— Эй, — окликнул он. — Начальница!

Она обернулась.

— Я тут подумал... твой плащ порван. Хочешь, зашью?

Она смотрела на него, и в её глазах было что-то, чего он не мог понять. Удивление? Подозрение? Благодарность? Всё сразу?

Начальница?

— Ну, ты же главная. Ты решаешь, куда идти. Ты спасаешь меня. Ты... ну, начальница.
А я... я просто чиню вещи.

Она помолчала. Потом кивнула.

Зашей.

И пошла дальше. Гнарл засеменял следом, уже доставая иглолку. Он улыбался глупо, широко, во весь рот. Не знал, что с ним происходит. И не знал, что это чувство, которое растёт в груди, называется по-другому. Но он уже знал, что эта белая сова с фиолетовыми глазами — самое удивительное, что случалось с ним за сорок три года жизни. И он хотел, чтобы это никогда не заканчивалось.

Где-то наверху, на крыше, тень с красными глазами смотрела им вслед. А потом метнулась прочь — докладывать хозяину

Глава 3. Клятвопреступник

Стрела легла на тетиву беззвучно — Кай смазал паз жиром ещё до заката, и теперь лук не издал ни скрипа, ни шороха. Он вообще не издавал звуков. Этот лук сделала его мать из дерева, которое росло в Садах Хризантем, — светлого, почти белого, с прожилками, похожими на застывшие молнии. Она назвала его Шёпотом, и говорила, что настоящее оружие не убивает — оно предупреждает. Кай помнил её голос: мягкий, обволакивающий, как туман над утренним лугом. Он помнил её руки, пахнувшие травами. Помнил всё. Это было проклятием. Он никогда ничего не забывал.

Балка под потолком «Сломанного якоря» была скользкой от копоти, и Кай упёрся спиной в стропило, чтобы не соскользнуть. Он сидел здесь четвёртый час. Ноги затекли, правое плечо ныло от неподвижности — старая рана, полученная три года назад в стычке с имперским патрём, давала о себе знать в сырую погоду. Но он не шевелился. Он ждал.

Внизу, за столом у дальней стены, сидел Маркус Тал. Имперский инквизитор. Охотник за головами Свободных. Убийца.

Кай рассматривал его сквозь щель между балками. Тал был немолод — лет пятьдесят, может, больше, — но возраст не смягчил его, а выдубил, как старую кожу. Седые виски, глубокие складки у рта, светлые глаза, которые ничего не выражали. Он пил эль маленькими глотками — не напивался, просто коротал время, — и ждал. Кого? Кай не знал.

Он знал другое. Знал, что Тал всегда садится спиной к стене. Что он проверяет окна, входя в помещение. Что Тал не пьёт из общей кружки, если не видит, как её наливают. За двенадцать лет слежки Кай выучил его привычки лучше, чем свои собственные. Маркус Тал был осторожен, умён и опасен. Но сегодня он нервничал. Его пальцы постукивали по столу. Его взгляд метался к двери каждые полминуты. Он ждал кого-то — и не был уверен, что этот кто-то придёт.

Кай натянул тетиву на дюйм — просто чтобы почувствовать сопротивление. Он не собирался стрелять. Пока. Привычная тяжесть лука успокаивала, а едва слышный скрип дерева отзывался в груди знакомой, глухой вибрацией. Он мог убить его прямо сейчас. Рука сама знала траекторию. Особенная стрела была в колчане — та самая, из чёрного серебра, пропитанного ядом Дроу. Та, что ждала долгих двенадцать лет.

В полумраке, среди обычных стрел с блёклым оперением, она выделялась, как затаившийся хищник. Её наконечник из матового, тёмного металла не отражал свет, словно впитывая его в себя. По граням чёрного серебра тонкой плёнкой лежал «Земляной Застой» — маслянистый токсин, выращенный друидом в глубоких пещерах. Этот яд отливал чернильно-фиолетовым гляncем, похожим на запекшуюся кровь. Кай помнил слова отшельника: яд не убьёт мгновенно. Он медленно пустит корни по венам, обездвижит врага, скуёт его мышцы льдом, но оставит разум кристально чистым, и оставит ему голос.

Но он не выстрелил. И дело было не в страхе. И не в том, что он промахнётся — Кай не промахивался. Дело было в том, что он слишком долго ждал. Двенадцать лет кошмаров, двенадцать лет поисков и тренировок не могли закончиться случайной, быстрой стрелой, выпущенной из темноты. Двенадцать лет — это не один день. Когда-то он мечтал о мести каждую ночь. Он представлял, как всадит стрелу в сердце Тала, как посмотрит в его глаза, как скажет: «За отца. За мать». Но годы шли, и мечта поблекла. Осталась привычка. Осталась цель — та, что держала его на ногах, когда всё остальное рушилось.

И теперь, когда Тал был так близко, Кай понял: он не знает, что делать. Убить, и что дальше? Кем он станет, когда цель исчезнет?

Смерть этого человека должна была стать идеальной. Тал должен был увидеть лицо своего палача, почувствовать, как каменеет его собственное тело под действием друидской отравы, и понять, за чьи именно жизни он сейчас расплачивается.

Кай медленно, дюйм за дюймом, ослабил натяжение тетивы. Время ещё не пришло. Но оно было совсем близко.

Кроме того, он не хотел убивать его в таверне. Слишком много свидетелей. Слишком много шума. Кай был следопытом, а не берсерком. Он привык работать тихо.

Но была и третья причина — та, о которой он не говорил даже Рейне. Где-то глубоко, под слоем ненависти, Кай хотел услышать ответ. Зачем? Почему? Почему Тал убил их отца — человека, который не сделал ему ничего плохого? Кай не хотел убивать, не узнав. Он хотел посмотреть Талу в глаза и спросить. И только потом — убить.

Таверна жила своей жизнью. Пьяный матрос в углу горланил песню про девушку из портового квартала — песня была непристойной, и разносчица, пробегая мимо, шлёпнула его полотенцем по затылку. Двое гноллов, человекоподобные гиены, играли в кости. Трактирщик протирает кружки засаленным фартуком. В камине потрескивал огонь. Никто не смотрел на потолок.

Дверь в таверну открылась, тихо. Вошедший был высок — выше Тала, выше почти всех в таверне, — и закутан в плащ с глубоким капюшоном. Он двигался странно: не шёл, а скользил, как будто пол под ним был не твёрдым деревом, а водой. Тени в углах таверны дрогнули и потянулись к нему — не сильно, едва заметно, но Кай заметил.

Человек в капюшоне сел напротив Тала. Капюшон сполз на дюйм, открыв край лица — или того, что было вместо лица. Чёрная маска. Гладкая, как обсидиан. Без прорезей для глаз, без отверстий для дыхания. И всё же Кай чувствовал взгляд. Кто-то смотрел на него из-под маски — не на Тала, а на него, на балку, где он прятался. Кай замер.

— Ты опоздал, — сказал Тал.

— Я никогда не опаздываю, — ответил человек в маске. Его голос был тихим — скрежет обсидиана о кость, шёпот песка по стеклу, — но Кай услышал его так ясно, будто говорящий стоял рядом. — Я прихожу тогда, когда нужно. Не раньше, не позже.

— Белая Тень ушла, — сказал Тал. — Она отпустила посредника, но прокляла его. Того, кто нанял её.

— Я знаю.

— Ты знаешь? — Тал повысил голос. Разносчица покосилась на него. Он понизил голос до шёпота. — Ты говорил, что ловушка сработает. Ты говорил, что она клюнет на предателя. Она не клюнула. Она поняла что заказчик просто пешка и исчезла.

— Она клюнула, — сказал человек в маске. — Просто не так, как ты ожидал. Она проверила информацию. Она поняла, что её использовали. Это делает её умнее, чем ты думал. Это полезно.

— Полезно? Она — Свободная. Она — убийца. И работает на тех, кто платит. Сегодня она работает против нас, завтра — против Империи, послезавтра — против кого угодно. Её нужно остановить.

— Её нужно использовать, — поправил человек в маске. — Архитектор так решил.

При слове «Архитектор» Тал вздрогнул. Его рука, лежавшая на столе, сжалась в кулак.

— Архитектор, — медленно произнёс Тал, — не командует Империей.

— Архитектор не командует никем. Архитектор предлагает. Ты волен отказаться.

— И что тогда?

Человек в маске помолчал. Тени вокруг него стали гуще.

— Тогда Архитектор найдёт другого инквизитора, — сказал он. — На твое место найдется другой с мерзкой душонкой и жадными руками.

Тал долго смотрел на него. Потом отвёл взгляд.

— Что ему нужно?

Человек в маске достал из складок плаща предмет — небольшой, завернутый в тёмную ткань. Он положил его на стол. Ткань соскользнула.

Это был кристалл. Чёрный — чернее, чем ночь, чернее, чем маска на лице гостя. Он не отражал свет, а поглощал его, и вокруг него воздух дрожал, как над раскалённым песком. Все тени в таверне разом качнулись к столу, как будто кристалл был магнитом, а они — железными опилками. Кай почувствовал холод. Не тот холод, что бывает от сквозняка или от мокрой одежды. Этот холод шёл изнутри. Из-под пола, из-за стен, из самой реальности. Как будто кто-то выключил тепло мира.

Тал отдёргнул руку.

— Что это?

— Первый Ключ.

В таверне ничего не изменилось. Матрос всё так же пел. Гноллы всё так же играли в кости. Трактирщик всё так же протирал кружки. Но Каю показалось, что воздух стал тяжелее — как перед грозой, как перед криком, как перед смертью.

— Ключ, — повторил Тал. — Один из трёх?

— Первый. Тот, что разрывает Тьму и Свет.

Кай перестал дышать. Он слышал легенды. Кто-то рассказывал их у костров на Костяных Полях, кто-то — в храмах Империи, кто-то — в подземельях dwarфов. Три Ключа. Три Завета. Архитектор, который хочет их уничтожить. Он думал, что это сказки.

А сказка лежала на столе в трёх футах от него.

— Ты хочешь, чтобы я доставил это в Башню? - спросил Тал.

— Да.

— Зачем?

— Затем, что ключ нужно для начала активировать чьей то болью.

Тал сжал зубы. Он взял кристалл — осторожно, двумя пальцами, как дохлую крысу, — и сунул в сумку на поясе.

— Я доставлю его, сказал он. Но не ради Архитектора. Ради порядка.

— Ради чего угодно, — сказал человек в маске. — Архитектору всё равно, какие слова ты произносишь.

Он встал. Тени вокруг него колыхнулись, как вода в пруду.

— И запомни, инквизитор: за тобой следят. Не только мы. В этом городе есть кто-то. Кто-то, кто носит лук и точит стрелы.

Он повернул голову — медленно, очень медленно — и посмотрел прямо на балку.

Их глаза встретились. Красные угли в прорезях маски. И тёмные, почти чёрные, расширенные от ужаса — глаза Кая.

— И у него есть одна стрела, — сказал человек в маске. — Особенная. Пусть он пока боится. Но он её достанет. Рано или поздно. И тогда — берегись Тал.

Он вышел. Дверь захлопнулась. Тени вернулись на места. Кай остался на балке. Его сердце колотилось где-то в горле. Его пальцы, сжимавшие лук, побелели. Он знал. Человек в маске знал о нём. О стрелах. О прошлом. Обо всём.

Кай провёл двенадцать лет в тени. Двенадцать лет он был невидимкой. Никто не знал его имени. Никто не знал его лица. Теперь знали. Он спустился с балки и вышел через заднюю дверь. Дождь ударил в лицо, холодный и злой. Кай не заметил. Он шёл через переулки, сжимая лук, и мысли метались в голове, как стая вспугнутых птиц.

Тал нёс кристал. Ключ, который мог разорвать баланс Тьмы и Света. Если Кай убьёт Тала сейчас — месть свершится. Двенадцать лет ожидания. Одна стрела. Но тогда ключ будет у Кая. И тогда Архитектор придёт за ним. Или, что хуже, за Рейной.

Если он не убьёт Тала — Ключ попадёт в Башню. А оттуда — к Архитектору. И тогда случится что-то, чего Кай пока не понимал, но что пахло кровью и холодом.

Он пересёк три переулка, поднялся по пожарной лестнице на крышу. Отсюда открывался вид на улицу, по которой Тал обычно возвращался в штаб-квартиру. Кай прижался к печной трубе и стал ждать.

Тал появился через десять минут. Шёл быстро, но не бежал. Правая рука на сумке с Ключом. Левая на мече.

Кай натянул тетиву. Одна стрела. Тридцать футов. Детский выстрел.

— Я знаю, что ты здесь, - сказал Тал.

Кай замер. Тал остановился посреди переулка. Он не оборачивался.

— Третья ночь, — сказал он. — Ты сидишь на балках, стоишь на крышах. Хорошо прячешься. Но я чую твой взгляд. Я всегда его чувал.

Он повернулся. Его светлые глаза обшарили крыши.

— Выходи. Поговорим.

Кай не шевелился.

— Я знаю, кто ты. Сын Аларика Верана. Рыцаря-дезертира. Человека, который нарушил клятву ради друидской женщины.

Кай сжал зубы.

— Твой отец был хорошим солдатом. Жаль, что он сделал неправильный выбор. И жаль, что его дети пошли по его стопам. — Тал помолчал. — Твоя сестра — целительница. Рейна. Она работает в лечебнице на окраине. Я мог бы навестить её. Поговорить.

Кай спустил тетиву. Стрела вонзилась в стену в дюйме от лица Тала. Инквизитор не вздрогнул.

— Хороший выстрел. Твой отец стрелял лучше. Но он всё равно умер.

— Ты тоже умрёшь, — Прошипел Кай сквозь зубы.

— Возможно. Но не сегодня. Сегодня ты не выстрелишь. Потому что если ты это сделаешь — мои люди придут к твоей сестре. И тогда она умрёт тоже.

Он развернулся и пошёл дальше. Не оглядываясь. Не ускоряя шаг. Кай смотрел ему в спину. Руки дрожали. Палец всё ещё лежал на тетиве. Одно движение — и месть свершится. Но он не мог рисковать Рейной, не ей. Он опустил лук. Тал скрылся за углом. Дождь стучал по черепице. Кай стоял неподвижно, и вода стекала по его лицу, смешиваясь с чем-то, что он отказывался называть слезами. Он не плакал. Он не плакал с двенадцати лет.

Он уже собирался спрыгнуть, когда заметил тень. На стене соседнего дома, в десяти футах от него, сгустилась темнота. Она не принадлежала ни человеку, ни зверю. Она была просто тенью, которая существовала сама по себе. И у неё были глаза — два красных уголька. Кай выхватил стрелу.

Тень метнулась в сторону — быстрее, чем любое живое существо, — и исчезла за краем крыши. Кай бросился за ней. Перепрыгнул на соседнее здание. Пробежал по коньку. Заглянул вниз. Ничего. Только дождь и пустые улицы.

Он стоял на крыше, тяжело дыша, сжимая лук. За двенадцать лет охоты он видел многое. Химер из Садов. Костяных ходоков с Полей. Но тень, которая смотрела на него красными глазами, — это было что-то новое. И это новое знало о нём. Он убрал стрелу в колчан. Где-то внизу, в лабиринте улиц, скрывались Тал, человек в маске и нечто из тени. Где-то там была Рейна, которая ждала его и не знала, что за ними следят.

Кай развернулся и пошёл к лечебнице. Нужно было предупредить сестру.

Лучник скрылся за крышами домов. Тал ещё несколько секунд смотрел ему вслед из-за поворота в тени. Лучник ушёл так же, как и появился: бесшумно и зло.

— Он знает, — произнёс за спиной Вестник.

Тал не обернулся. Он стоял в переулке, прижавшись плечом к мокрой стене, и смотрел в темноту, где исчез мальчишка.

— Он видел нас, — уточнил Вестник. — И он запомнил твоё лицо.

— Он и так знал мое лицо.

— Тогда почему ты позволил ему уйти?

Тал медленно повернул голову. Капюшон его промок насквозь, дождь стекал по лицу, но ему было всё равно. Он смотрел на Вестника — человека в обсидиановой маске, — и в его глазах не было страха. Только холод. Только усталость.

— Потому что он ещё не готов к смерти, — сказал Тал. — А я не убиваю тех, кто не готов. Вестник наклонил голову.

— Это не твоя охота. Это охота Архитектора.

— Архитектор не просил меня убивать лучника.

— Архитектор не просил тебя шадить его, если он помешает твоей миссии.

Тал отвернулся. Он смотрел на стену напротив, на струи воды, бегущие по камню, на собственные сапоги, утопающие в грязи. Двенадцать лет. Двенадцать лет он ждал, пока этот мальчик вырастет. И вот он пришёл. С луком. С ненавистью. С ядовитой стрелой.

— Уходи, — сказал Тал. — Мне нужно побыть одному.

Вестник не двинулся с места.

— Архитектор не любит, когда его зверушки остаются одни. Это порождает сомнения.

— У меня нет сомнений.

— Они есть у всех. Даже у тебя.

Тал сжал зубы. Его рука легла на рукоять меча — не угрожающе, но достаточно, чтобы Вестник заметил.

— Я доставлю Ключ в Башню, — сказал он. — Как договаривались. Остальное тебя не касается.

Вестник помолчал. Потом отступил — на шаг, второй, третий — и растворился в тенях, как будто его и не было. Тал остался один.

Он поднял голову к небу. Дождь бил по лицу. Где-то вдалеке грохотало — не гром, а что-то иное, глубинное, будто сам мир ворочался во сне. Тал стоял и не двигался.

— Кай... — Заговорил он вслух, не сдерживая усталую ухмылку — он так похож на своего отца.

Тал вспомнил его лицо — с резкими чертами, подсвеченное снизу дрожащим светом масляной лампы. Молодой. Слишком молодой для такой ненависти. Но на вид ему было лет 26. У него были тёмные, почти чёрные волосы, взъерошенные дождём и ветром. Несколько влажных прядей прилипли ко лбу. Кожа загорелая, обветренная — такая бывает у тех, кто месяцами спит на земле и не прячется от солнца. Скулы высокие, острые, как лезвия. Подбородок твёрдый. Губы сжаты в тонкую линию — привычка человека, который слишком много молчит.

Глаза. Тёмные, почти чёрные, и в них — ни страха, ни сомнения. Только холод. Только расчёт. Так смотрит следопыт, который неделю выслеживал добычу и наконец загнал её в угол. Так смотрел его отец.

Парень исчез в дожде, но его образ остался — врезанный в память, как нож в стену. Сын. Мститель. Живое напоминание о том, что сделал Тал.

Тал закрыл глаза. Перед внутренним взором всплыла картина — старая, выцветшая, как фреска на заброшенном храме. Двое мальчишек бегут по полю. Старший — выше, крепче. Младший — отстаёт, смеётся, падает, поднимается, бежит снова. Солнце золотит их волосы. Вокруг — высокая трава, стрекозы, запах мёда.

Тал открыл глаза. Никакого поля не было. Был только мокрый камень, грязный переулок и дождь. Он коснулся сумки на поясе. Там, в плотной ткани, лежал Ключ - тёплый, пульсирующий, как чужое сердце. Завтра он отнесёт его в Башню Равновесия. Завтра всё начнётся.

А Кай... Кай ещё придёт. Тал знал это. И когда он придёт — Тал будет готов. Он не знал только одного: к чему.

Глава 4. Целительница

Рейна не любила Нексус — но, в отличие от брата, она не позволяла себе эту роскошь. Ненависть требовала энергии, а энергия была ресурсом, который она не могла тратить впустую. За десять лет работы в бесплатных лечебницах — сначала в поселении друидов, потом в трущобах Вольных Пустошей, теперь здесь — она научилась отключать эмоции, как отключают ненужный насос. Пациенту не нужна твоя ненависть к городу. Пациенту нужно, чтобы ты вправила ему плечо, зашила рану или вытащила гнилой зуб, не повредив челюсть. Всё остальное — роскошь.

Сегодня пациентов было мало — только старуха с больной спиной, мальчик с лихорадкой да мужчина с рыболовецкого судна, которому крючок вошёл в ладонь и застрял в кости. Рейна вытащила крючок, промыла рану, зашила. Мужчина ушёл, ворча что-то про шрамы и удачу. Она не слушала. Она думала о другом.

У неё осталось три семени. Три крошечных зелёных искры в замшевом мешочке на шее. Она чувствовала их даже сквозь ткань — слабое, тёплое пульсирование, как сердцебиение спящего ребёнка. Магия Жизни, унаследованная от матери. Каждое семя могло исцелить рану, вытянуть яд, сбить жар. Но когда они закончатся — она станет просто женщиной с бинтами и травмами. Обычной. Беспольной.

Она сжала мешочек в ладони. Три семени. Этого хватит на три серьёзных случая. А потом — что? Ехать в Сады Хризантем? Она не была там десять лет, с тех пор как их с Каем вышвырнули из поселения друидов. Её мать умерла там. Её отец умер там. Земля, пропитанная кровью, вряд ли захочет дать ей новые семена.

— Госпожа Рейна?

Она обернулась. В дверях стояла женщина — молодая, измученная, с тёмными кругами под глазами. На руках она держала ребёнка. Девочка, года три, с влажным лбом и закрытыми глазами. Дышала тяжело, с присвистом.

— Лихорадка, — сказала Рейна. — Давно?

— Третий день. — Голос женщины дрожал. — Сначала был жар. Потом кашель. Теперь она почти не просыпается. Я... я слышала, вы помогаете. У меня нет денег, но я могу заплатить работой. Я умею стирать. Готовить. Что угодно.

— Положи её на койку.

Рейна действовала быстро. Она прижала ладонь ко лбу девочки — кожа горела, пульс нитевидный. Инфекция. Глубокая, уже в лёгких. Обычные травы не помогут. Нужно семя.

Она развязала мешочек. Три искры. Теперь две. прижала семя к груди ребёнка, туда, где сердце. Закрыла глаза. Прошептала слова, которым её научила мать - не молитву, скорее просьбу. Семя дрогнуло, пустило крошечный зелёный росток. Росток вошёл в кожу — без боли, без крови, — и начал впитывать болезнь. Рейна чувствовала, как жар уходит из тела девочки, как лёгкие очищаются, как пульс выравнивается.

Через минуту всё закончилось. Росток увял, почернел, рассыпался в пыль. Девочка открыла глаза — мутные сначала, потом ясные. Она посмотрела на Рейну и улыбнулась.

— Мама, — сказала она. — Тётя пахнет цветами.

Мать заплакала. Рейна отошла к столу, чтобы не мешать. Руки дрожали. Так бывало всегда после использования семени — короткая слабость, как будто часть её собственной жизни ушла вместе с ростком. Она знала, что это иллюзия. Семена не брали её силу. Но ощущение пустоты оставалось.

— Спасибо, — сказала женщина, прижимая дочь к груди. — Я... я не знаю, как вас благодарить.

— Не благодарите, — ответила Рейна. — Просто позаботьтесь о ней.

Женщина ушла. Рейна села на стул, закрыла лицо руками. Два семени. Два. А впереди — бесконечная череда пациентов, которые будут приходить и приходить, и каждому нужна будет помощь, которую она не сможет дать.

Она думала о матери. Сильва — так её звали. Женщина с такими же зелёными глазами. Она тоже была целительницей. Она тоже отдавала себя всю, без остатка, пока не осталось ничего. Рейна помнила её голос — мягкий, обволакивающий. Помнила, как мать учила её: «Семя — это не магия. Семя — это надежда, которую ты отдаёшь другому. Не бойся отдавать». Но мать отдала слишком много. Она пыталась исцелить отца, когда тот умирал от имперских стрел. Она использовала все семена, что у неё были. А потом использовала себя. Рейна не хотела повторить её судьбу.

Дверь скрипнула. Она подняла голову - и увидела Кая.

Он стоял в дверном проёме, мокрый от дождя, с луком за спиной и колчаном на поясе. Его лицо было бледным, под глазами залегли тени. Он не спал — Рейна знала этот взгляд. Она видела его каждое утро после его ночных охот. Взгляд человека, который видел что-то плохое и не может забыть.

— Ты ранен? - спросила она.

— Нет.

— Тогда почему ты здесь? Обычно ты возвращаешься под утро.

Кай не ответил. Он прошёл вглубь лечебницы, проверил окна — привычка, выработанная годами, — и только потом сел на стул напротив неё. Его руки, сжимавшие лук, побелели от напряжения.

— За мной следили, — сказал он.

Рейна замерла.

— Кто?

— Не знаю. Что-то в тенях. Что-то с красными глазами. — Он помолчал. — И Тал здесь.

— Маркус Тал?

— Да.

Рейна почувствовала, как холод расползается по груди. Маркус Тал. Человек, который убил их отца. Человек, из-за которого Кай не спал ночами, из-за которого она потеряла семью, из-за которого они стали теми, кем стали. Он был здесь, в Нексусе.

— Ты... — она запнулась. — Ты пытался?

— Нет. — Кай покачал головой. — Он был не один. С ним был человек в маске. И он знает обо мне. О нас.

— Что?

м Он знает, где ты работаешь. Он угрожал, что придёт сюда. — Кай поднял глаза. В них было что-то, чего Рейна не видела давно. Страх. Не за себя — за неё. — Ты должна уехать. Сегодня. Сейчас. Я найду тебе корабль.

— А ты?

— Я останусь. Закончу то, что начал.

— Кай...

— Я двенадцать лет ждал. Я не уйду сейчас.

Рейна смотрела на брата. Упрямый, как отец. Смелый, как мать. И такой же обречённый. Она открыла рот, чтобы ответить - но в этот момент дверь снова распахнулась.

В лечебницу ввалились двое. Первого она узнала сразу — дварф, низкий, коренастый, с рыжей бородой и густыми волосами, торчащими во все стороны из-под кожаного оголовья с увеличительными линзами. Он прижимал к груди окровавленную тряпку, и кровь капала на пол. За ним, бесшумно, как тень, скользнула вторая фигура. Высокая. В плаще. С лицом полярной совы и фиолетовыми глазами. Совлинг.

Кай вскочил, выхватывая стрелу. Рейна положила руку ему на плечо.

— Подожди.

— Это она, — сказал Кай. - Белая Тень.

— Я знаю, кто она. - Рейна смотрела на совлинга. Та стояла неподвижно, и её глаза - огромные, светящиеся — смотрели прямо на Рейну. В них не было угрозы. Только усталость. Только холод. - Но она пришла не драться.

— Откуда ты знаешь?

Рейна не ответила. Она просто чувствовала. Не эмпатия — она не была совлингом. Но что-то в этой фигуре, в том, как она держалась, в том, как она заслоняла собой дварфа, говорило: не враг. Изгой. Такой же, как они.

Дварф тем временем доковылял до стула и рухнул на него.

— Это не то, что вы подумали, — сказал он, морщась от боли. — Ну, то есть, это порез, и он кровоточит, но это не смертельно. Наверное. Я Гнарл. Сын Торгрина. Из клана Хранителей Печей. Но все зовут меня Безухим. — Он указал на отсутствующее ухо. — По понятным причинам.

Рейна перевела взгляд с дварфа на совлинга, потом на Кая. Её брат всё ещё держал стрелу наготове, но не стрелял.

— Убери лук, - сказала она.

— Рейна...

— Убери. Они не враги.

Кай помедлил. Потом медленно, очень медленно, опустил лук.

Рейна подошла к дварфу. Взяла его руку — грубую, в мозолях и шрамах, — осмотрела рану. Порез был неглубоким, но длинным, от запястья до локтя. Кровь текла обильно, но вены не задеты. Повезло.

— Как это случилось? - спросила она, доставая бинты.

— Я чинил бомбу, — сказал дварф. — И она... ну, не взорвалась. Просто треснула. И осколок... в общем, я порезался. Начальница привела меня сюда. Она сказала — ну, не сказала, она не говорит, но я понял, — что здесь помогут.

Рейна покосилась на совлинга. Та стояла у стены, сложив крылья, и молча наблюдала. Не вмешивалась. Просто смотрела.

— Твоя начальница — совлинг? — сказала Рейна, промывая рану.

— Да. Она спасла меня. От коллекторов. И перевязала руку. Ну, в первый раз. А потом я снова порезался. — Дварф вздохнул. — Я часто режусь. Это профессиональный риск.

— Ты механик?

— Механик. Изобретатель. Подрывник-любитель. В основном любитель. — Он поморщился, когда Рейна начала зашивать рану. — Ай. Вы не могли бы предупреждать?

— Предупреждаю. Будет больно.

— Спасибо. Очень утешили.

Рейна работала быстро. Швы получились ровными — сказывались годы практики. Когда она закончила, дварф посмотрел на свою руку и присвистнул.

— Отличная работа. Вы настоящий мастер.

— Я целитель. Это моя работа.

— Ну, всё равно спасибо. — Он помолчал. — Я Гнарл, если вы не расслышали. А это Лираэль. Белая Тень. Она не говорит, но она хорошая. Ну, для убийцы.

Кай хмыкнул. Рейна бросила на него предупреждающий взгляд.

— Я Рейна, — сказала она. — Это мой брат Кай. Он не очень общительный.

— Я заметил, — сказал Гнарл. — Но это ничего. Я общительный за двоих. За троих. За всех молчунов.

В этот момент с улицы донёсся шум. Крики. Топот сапог. Кто-то колотил в дверь соседнего дома. Рейна подошла к окну и выглянула наружу. По улице шли имперские солдаты — человек десять, с факелами и мечами. Они проверяли дома, один за другим.

— Они ищут кого-то, — сказала она.

Меня, — пришла мысль от Лираэль. Холодная, спокойная, без тени страха. — *Я уйду. Они не найдут вас.*

— Нет, — сказал Гнарл. — Ты не уйдёшь. Мы только что нашли друг друга.

Это не твой бой.

— Теперь мой. — Дварф встал, прижимая к груди перевязанную руку. — Ты спасла меня. Я не брошу тебя. Даже если ты меня убьёшь за это потом. Но я надеюсь, что не убьёшь.

Кай посмотрел на Рейну. Рейна посмотрела на Кая. Они не сказали ни слова, но поняли друг друга. Они тоже были изгоями. Они тоже прятались от солдат. Они тоже устали быть одни.

— Здесь есть подвал, — сказала Рейна. — Он в переулке за лечебницей. Там мы можем переждать.

— Ты предлагаешь прятаться вместе? — спросил Кай.

— Я предлагаю не умирать поодиночке.

Кай помолчал. Потом кивнул.

— Тогда идём.

Рейна схватила саквояж с инструментами. Кай взял лук. Гнарл подобрал свой рюкзак. Лираэль уже стояла у двери, и её тени собирались вокруг неё, как стражи.

Они добрались до подвала без приключений — если не считать того, что Гнарл дважды споткнулся, один раз чуть не уронил бомбу, которую решил на ходу проверить, и трижды извинился за оба этих раза. Кай шёл последним, прикрывая отход, и Рейна знала: он сканирует переулки, считает тени, запоминает лица. Привычка, от которой он не мог избавиться даже во сне.

Подвал был сырым, пропахшим плесенью и старым вином, с пустыми бочками у стен и соломой на полу. Единственное окошко под потолком пропускало ровно столько света, чтобы не споткнуться о собственные ноги. Гнарл сразу полез в угол, проверять бомбу. Кай встал у двери, скрестив руки на груди. Рейна села на перевёрнутый ящик и вытянула ноги — они гудели после долгого дня.

Лираэль стояла у стены. Она всегда стояла у стены. Она была как натянутая тетива — всегда готовая к выстрелу. Рейна гадала, была ли она такой с рождения или стала такой по прибытию в Нексус. Лираэль не говорила - ни вслух, ни мысленно, — если её не спрашивали напрямую.

— Итак, — сказал Гнарл, отрываясь от бомбы. — Мы в подвале. Вчетвером. Трое из нас — изгои. Один - лучник с очень напряжённым выражением лица. — Он покосился на Кая. — Что теперь?

— Теперь ты расскажешь, почему за тобой гонятся коллекторы, — сказала Рейна.

— А это обязательно?

— Если мы будем прятаться вместе, я хочу знать, от кого мы прячемся.

Гнарл вздохнул. Он рассказал о Глубинном Престоле, о козле, об отце, который назвал его позором клана. О побеге на корабле, о Мастере Замков, о контракте, который он подписал, не читая. О бомбах, которые он делал, чтобы расплатиться, но которые только создавали новые долги, когда взрывались не там, где нужно.

— Козёл? — переспросил Кай. Это было первое слово, которое он произнёс за последние полчаса.

— Белый. Огромный. С рогами, как сабли. — Гнарл машинально потрогал отсутствующее ухо. — Я не хочу об этом говорить.

Кай хмыкнул - но в этом хмыканье не было насмешки. Скорее, понимание.

— А ты? — спросила Рейна, глядя на Лираэль. — Почему ты помогаешь ему?

Тишина. Потом — образ. Не слова, а чувство. Холод. Одиночество. Дверь, закрывшаяся перед лицом. Кровь на белых перьях.

Я не должна была вмешиваться. Но он прятался за бочкой и бормотал «они меня не видят». Я не смогла пройти мимо.

Рейна кивнула. Она не знала подробностей, но этого было достаточно. Она понимала, что значит - не мочь пройти мимо.

— Теперь вы, - сказал Гнарл. — Почему вы прячетесь?

Рейна и Кай переглянулись. Брат едва заметно покачал головой — не сейчас. Но Рейна решила иначе. Если они будут прятаться вместе, эти двое имели право знать.

— Двенадцать лет назад, — сказала она, - имперский инквизитор по имени Маркус Тал убил наших родителей. Отец был дезертиром. Мать — друидом. Их любовь была незаконной. Мы были детьми. Нас изгнали из поселения, где мы выросли. С тех пор мы странствуем. Кай ищет Тала. Я ишу способ вернуть то, что потеряла.

Гнарл замолчал. Даже его бомба перестала дымиться.

— Мне жаль, — сказал он тихо.

— Мне тоже, — ответила Рейна. — Но жалость не возвращает родителей.

— Маркус Тал в городе, — сказал Кай. — И он охотится на Свободных, работает с человеком в маске. Этот человек дал ему какой-то Ключ .

Лираэль, стоявшая у окна, медленно повернула голову.

Ключ? — пришла её мысль. В ней было не любопытство. Что-то другое. Тревога. Глухая, старая, как память о Гнезде.

— Да. Маленький артефакт. Чёрный. Пульсирующий. — Кай посмотрел на неё. — Ты что-то знаешь?

Лираэль помолчала. Потом ответила — мысленно, и от этого её слова прозвучали ещё холоднее:

Совлинги Гнезда рассказывали о трёх артефактах, созданных в начале времён. Их называли Ключами. Каждый из них связан с одним из Заветов. Свет и Тьма. Жизнь и Смерть. Узы и Свобода. Говорили, что тот, кто соберёт их все... сможет разорвать сами Заветы. Я думала, это легенда. Детская сказка, которой пугали птенцов перед сном.

Она перевела взгляд на Кая.

Если у Тала один из этих Ключей — это не просто артефакт. Это конец всего, что мы знаем

— Мои коллекторы, кстати, тоже работают на человека в маске, —Перебил Гнарл. —Я слышал, как они говорили о нём. Они называли его Вестником.

Рейна замерла.

— Вестник?

— Да. Они говорили: «Вестник сказал, что дварф нам ещё пригодится». Я тогда не понял, о ком речь. А теперь... —он осёкся. —Теперь я думаю, что обо мне.

Кай оторвался от стены.

— Лиарель, —Он окликнул совлинга. —А почему, когда пришли солдаты, ты сказала что они за тобой?

Лиарель глубоко вздохнула, и в головах присутствующих возникла одна и та же мысль.

Тал охотится не просто за Свободными. Ему нужна я. Я — сумеречный совлинг. Моя магия — не дневная и не ночная. Она — баланс. Таких, как я, почти не осталось. Я не знаю, зачем я ему. Но я знаю, что он следил за мной через тени. Что он подослал ко мне ложного заказчика, чтобы выманить. Это не случайность. Я была его целью с самого начала. Когда я допрашивала того офицера, он сказал, что Тал работал через посредника. Через человека в

маске. Этот человек умеет прятаться в тених — как я. Он следил за мной. Я чувствовала его присутствие. Я не знаю, кто он. Но он — часть всего этого

— Если Вестник - это тот же человек, что дал Талу Ключ, — сказал Кай медленно, — значит, Мастер Замков тоже работает на Архитектора. Значит, всё это связано. Моя месть, долг Гнарла, - он кивнул Гнарлу, —твоя охота, —он кивнул Лираэль. —Всё связано.

В подвале повисла тишина. Гнарл переваривал услышанное. Лираэль стояла неподвижно, и только её глаза горели ярче обычного. Рейна смотрела на свои руки — руки, которые только что зашили рану дварфа и которые завтра, возможно, будут держать оружие.

— Значит, мы в одной лодке, —сказал наконец Гнарл. —Вчетвером. Против имперского инквизитора, тайного ордена, существа из тени и человека в маске, который работает на Архитектора. —Он помолчал. —У нас есть шансы?

— Никаких, —сказал Кай.

— Отлично. Я люблю, когда шансов нет. Это снимает ответственность за поражение.

Рейна не улыбнулась. Она думала о том, что сказал Гнарл. О том, что всё связано. О том, что их встреча в этом подвале —не случайность. Кто-то стягивал нити, и они были марионетками в чужой игре. Но марионетки тоже могут оборвать нити. Нужно только найти того, кто их держит.

— Что будем делать? - спросила она.

Лираэль оторвалась от стены. Башня Равновесия, - пришла мысль. Там хранится Ключ. Там же —архивы Ордена. Если Вестник работает на Архитектора, архивы скажут нам, кто он и чего хочет.

— Ты предлагаешь проникнуть в Башню? —спросил Кай.

Да.

— Это самоубийство.

Возможно. Но у нас нет выбора.

Кай посмотрел на неё долгим взглядом. Потом кивнул.

— Мне нужен план. И мне нужен тот, кто умеет взламывать замки.

Все посмотрели на Гнарла. Тот моргнул.

— Что? Я? Я не взламываю замки! Я чиню вещи. Иногда взрываю. Но замки —это...

— Ты дварф, —сказал Кай.

— И что? Дварфы не все поголовно взламывают замки! Мы ещё и пьём пиво! Но это не значит, что каждый дварф —взломщик! Это стереотип! И оскорбительно, между прочим!

— Ты починил насос в таверне так, что он качал пиво втрое быстрее, —вспомнила Рейна. —Я думаю, ты справишься с замком.

Гнарл открыл рот. Закрыл. Потом вздохнул.

— Ладно. Я попробую. Но если меня поймают, я скажу, что вы меня заставили.

— Договорились, —сказала Рейна.

Лираэль чуть заметно кивнула. Её перья дрогнули - Гнарл уже знал, что это совлингский эквивалент улыбки. Ему нравилось, когда она так делала. Ему вообще многое в ней нравилось, но он пока не был готов признаться в этом даже себе.

— Значит, план такой, —сказал он, доставая из рюкзака замусоленный кусок бумаги и огрызок карандаша. —Мы проникаем в самую защищённую башню в городе, минуем стражу, магические ловушки и, вероятно, пару боевых големов, чтобы украсть артефакт, за которым охотится тайная организация. —Он начал рисовать схему. —Я предлагаю начать с главного входа.

— Почему? —спросил Кай.

— Потому что нас там точно не ждут.

Кай посмотрел на Рейну. Рейна посмотрела на Лираэль. Лираэль перевела взгляд с Гнарла на его рисунок - кривую схему, больше похожую на осьминога, чем на план здания, - и её перья снова дрогнули.

Нет, — пришла мысль. *Через чёрный ход. Я знаю, где он.*

— Откуда? — спросила Рейна.

Я уже была там. Давно.

Она не стала объяснять, когда именно и зачем. И никто не спросил. В конце концов, у каждого в этом подвале были свои секреты.

— Хорошо, — сказал Гнарл, перечёркивая рисунок. — Чёрный ход. Я иду первым. Ну, то есть, вторым. После начальницы. Или третьим. В общем, не последним. Последним пусть идёт Кай. У него лук.

— Разумно, — сказал Кай.

— Правда? Я сказал что-то разумное?

— Впервые за вечер.

Гнарл просиял. Он развернул бомбу, проверил запал, подкрутил что-то отвёрткой. Бомба перестала дымиться и тихо загудела — ровно, как довольный кот.

— Кажется, починил, — сказал он с гордостью.

— Ты уверен, что она не взорвётся? — спросила Рейна.

— Нет. Но я оптимист.

Глава 5. Золотой

Таэлион проснулся от того, что в дверь ломились.

Это была не метафора. Тяжёлый дубовый засов трещал под ударами, петли скрипели, штукатурка сыпалась с потолка. Снизу, из обеденного зала, доносился рёв — густой, как расплавленная смола, и полный праведного гнева:

— ВЫХОДИ, ЭЛЬФИЙСКАЯ ПАДАЛЬ! Я ТЕБЕ ЯЙЦА ОТРЕЖУ И СКОРМЛЮ ИХ ТЕБЕ БЕЛОБРЫСАЯ...

Дальше следовали выражения, которые даже в портовом квартале Нексуса считались излишне крепкими. Таэлион поморщился — не от страха, а от отсутствия оригинальности. «Эльфийская падаль» он слышал уже раз десять. «Белобрысая» — и того чаще. Неужели так трудно придумать что-то свежее? «Остроухий развратник»? «Золотоволосый похититель чужих дам»? В конце концов, можно было проявить уважение к противнику.

Он сел на постели и осмотрелся. Комната была из тех, что сдаются посуточно в заведениях вроде «Петушиного боя» — бархатные шторы, вытертые до основы, позолоченные канделябры с оплывшими свечами, зеркало в треснувшей раме и кровать, которая скрипела при каждом движении. На спинке стула висело чьё-то платье — не его. Рядом валялся корсет. На полу — пустая бутылка из-под игристого, которое здесь называли «шампанским», хотя на самом деле это было мочёное яблочное вино с добавлением магических пузырьков.

В зеркале отражался эльф, который выглядел ровно настолько плохо, насколько заслуживал. Спутанные волосы, когда-то золотые, а теперь — тусклая латунь, падали на плечи. Черты лица были тонкими, аристократическими — высокие скулы, прямой нос, чёткая линия подбородка, — но под глазами залегли тени, которые не скрывала даже эльфийская кожа. Глаза были цвета выцветшего золота — когда-то яркие, а теперь потускневшие, как старая монета. Он улыбнулся своему отражению — и улыбка вышла кривой. «Красавчик», — подумал он без всякого убеждения.

Рядом с ним в постели лежала женщина. Она была хороша — лет тридцати пяти, с пышными формами и копной каштановых волос, разметавшихся по подушке. Таэлион не помнил её имени. Кажется, Марта? Марла? Что-то на «М». Она была женой трактирщика — того самого, который сейчас ломился в дверь с топором и намерением провести анатомическую ревизию эльфийской физиологии.

— М-м-м? — промычала женщина, приоткрывая глаза. — Что за шум?

— Твой муж, — ответил Таэлион, натягивая рубашку. — Кажется, он хочет со мной поговорить.

— О боги. — Она села, прижимая простыню к груди. — Опять.

— «Опять»? — Таэлион на секунду отвлёкся от рубашки. — Он часто застаёт тебя с другими мужчинами?

— Ты третий в этом месяце.

— Я польщён. — Он натянул штаны — чужие, кажется, принадлежавшие предыдущему гостю, — Кто были первые двое?

— Торговец шерстью и гном-меняла.

— Гном? — Таэлион замер. — Ты променяла меня на гнома?

— Гном был до тебя. Ты — после.

— Это ничего не меняет. — Он прижал руку к груди. — Моё эльфийское достоинство растоптано. Я думал, я особенный

— Ты красивый, — сказала она, — но ты эльф. Вы все, эльфы красивы только внешне, а поговорить с вами не о чем.

— Это расизм. И я на него не подписываюсь.

Дверь слетела с петель. В проёме стоял трактирщик —огромный, краснолицый, с топором в одной руке и фонарём в другой. На нём был фартук, заляпанный чем-то, что Таэлион предпочёл не идентифицировать. Увидев жену в постели, он издал звук, который был чем-то средним между рыком раненого медведя и воплем банши.

— Я УБЬЮ ТЕБЯ! —заорал он, замахиваясь топором.

— Только не по лицу! —крикнул Таэлион и выпрыгнул в окно.

Стекло брызнуло осколками. Он пролетел два этажа, чудом не зацепившись штанами за карниз, и приземлился в кучу гнилых овощей, которую кто-то заботливо оставил под окном. Морковь хрустнула под его спиной. Капуста взорвалась листьями. Таэлион полежал секунду, глядя в серое предрассветное небо, и расхохотался.

— Третий в этом месяце! —крикнул он в пустоту смеясь. —Я третий в этом месяце! Гном был лучше меня!

Сверху донёсся голос трактирщика:

— Я ТЕБЯ НАЙДУ! Я ТЕБЯ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ ДОСТАНУ!

— Попробуй! —Таэлион вскочил и пустился бежать. Дождь хлестал по лицу. Босые ноги шлёпали по булыжникам. Рубашка прилипла к телу. Он был пьян, грязен, бос, за ним гнался разъярённый муж, и где-то в порту его ждали коллекторы, которым он задолжал сумму, в три раза превышающую стоимость всего его имущества. Он чувствовал себя великолепно.

Сто лет назад, в Амарантине, Таэлион стоял на сцене и пел. Он помнил это —помнил так ясно, будто это было вчера. Огромный зал, вырезанный из живого дерева. Светящиеся грибы, оплетающие колонны. Хор из тринадцати голосов —лучшие певцы Дома Мерцающей Зари. Его брат Элрондель стоял в первом ряду, прямой, как струна, и смотрел с гордостью, от которой у Таэлиона сжималось горло.

Он пел партию Первого Света —самую сложную, самую высокую, ту, что давалась только избранным. Его голос был золотом. Золотом, которое текло сквозь зал, заполняя каждый угол, каждую трещину, каждое сердце. Когда он закончил, тишина длилась десять секунд —а потом зал взорвался аплодисментами.

Элрондель кивнул ему. Скупое, сдержанное —но в этом кивке было всё. «Ты справился. Ты —моя гордость. Ты —будущее Дома». А Таэлион стоял на сцене, кланялся, улыбался —и смотрел в окно.

Там, на ветке серебряной берёзы, сидел воробей. Маленький, серый, невзрачный. Он не пел —просто чирикал. Но в этом чириканье было что-то, чего не было в партии Первого Света. Что-то настоящее. Что-то живое. Воробей не знал нот. Воробей не знал партитуры. Воробей просто открывал клюв и пел —то, что хотел, когда хотел, как хотел.

«Он свободен, —подумал Таэлион. —А я —нет».

Эта мысль поселилась в нём, как заноза. Она росла, гноилась, не давала спать. Через месяц он сбежал —бросил ритуал Вплетения, бросил Дом, бросил Песнь. Он думал, что станет свободным, как воробей.

Он ошибался.

Свобода оказалась грязной канавой в портовом квартале Нексуса, куда он сейчас сворачивал, спасаясь от погони.

Свернув за угол, он налетел на троих мужчин, выходивших из бокового переулочка. Удар был такой силы, что один из них — тощий, в очках, с гроссбухом под мышкой — отлетел к стене и сполз по ней, хватая ртом воздух. Гроссбук выпал из его рук и раскрылся на странице, где аккуратным почерком были записаны чьи-то долги.

Двое других — амбалы с дубинами, похожие друг на друга, как две гнилые бочки, — устояли на ногах. Таэлион, потирая ушибленное плечо, поднял глаза и встретился взглядом с тем, что был повыше.

Он знал эти лица. Коллекторы Мастера Замков. Те самые, которым он задолжал круглую сумму. Те самые, что обещали сломать ему пальцы —по одному за каждые сто монет.

— О, —сказал Таэлион. —Привет, парни, как ваше ничего? А я как раз шёл к вам. С деньгами. Почти.

Амбал с дубиной осклабился. У него не хватало переднего зуба, и оскал этот не сулил ничего хорошего.

— Слушайте, а давайте поговорим как цивилизованные люди? —Таэлион начал медленно подниматься, отряхивая штаны. —Я могу всё объяснить. Видите ли, у меня была неделя, полная неприятностей. Меня выгнала из дома жена трактирщика —кстати, отличная женщина, передайте ей при случае, что я скучаю, —потом я упал в канаву, потом меня чуть не зарубил топором её муж, и я как-то не успел собрать нужную сумму. Но я работаю над этим. У меня есть план. Серьёзный. Почти готовый.

Амбал переглянулся со вторым амбалом —тем, что пониже, но пошире.

— У него есть план, —сказал второй амбал. Голос у него был низкий, как из бочки.

— Почти готовый, —уточнил Таэлион.

Амбал повыше снова осклабился и сделал шаг вперёд. Таэлион не стал дожидаться, пока этот шаг станет последним. Он развернулся и побежал в противоположную сторону —туда, где из распахнутой двери таверны «Сломанный якорь» пахло прогорклым жиром и дешёвым пивом.

— ДЕРЖИ ЕГО! —заорал первый амбал. —ДЕРЖИТЕ ЭЛЬФА!

— ОН ДОЛЖЕН ДЕНЬГИ! —добавил второй, для ясности.

Счетовод, кое-как поднявшись и прижимая к груди помятый гроссбух, засеменил следом, на ходу поправляя очки и выкрикивая:

— И пеню! Не забудьте про пеню! Пункт восемь, мелким шрифтом!

— ЗАТКНИСЬ СО СВОИМ ШРИФТОМ! — рявкнул первый амбал.

— Мелкий шрифт —это аморально! — крикнул Таэлион через плечо. —Я подаю на вас в гильдию! Как только найду адвоката! Который возьмётся за дело бесплатно!

— У ТЕБЯ НЕТ АДВОКАТА!

— У МЕНЯ ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕТ! В ЭТОМ И ПРОБЛЕМА!

Таэлион ворвался в таверну «Сломанный якорь» с таким шумом, будто за ним гналась вся имперская армия. В таверне было людно. Пьяные матросы горланили песни. Гноллы играли в кости. Разносчица с усталым лицом разносила кружки. В дальнем углу сидели четверо, которых Таэлион заметил краем глаза: дварф с перевязанной рукой, молодая женщина с зелёными глазами, мрачный лучник и... Совлинг.

Белые перья. Фиолетовые глаза. Лицо полярной совы, которое смотрело прямо на него. Капюшон был сдвинут ровно настолько, чтобы были видны глаза, —огромные, светящиеся, нечеловеческие.

Таэлион знал, кто это. Белая Тень. Убийца. Изгой. Слухи о ней ползли по Нексусу уже несколько месяцев —с того самого дня, как она появилась в городе и за одну ночь разобралась с тремя коллекторами Мастера Замков, которые пытались её обмануть. Она работала на тех, кто платил, но не на всех. Она проверяла заказы. Она возвращалась и наказывала лжецов. Она была чудовищем —но чудовищем с принципами.

И она была его единственным шансом.

Коллекторы уже подходили к таверне. Мастер Замков не прощал долгов. Четыреста восемьдесят золотых —сумма, за которую в Нексусе убивали без раздумий. У него не было ни денег, ни оружия, ни союзников. У него было только его имя —запятнанное, проклятое, но всё ещё эльфийское. И его магия —жалкие иллюзии, которые не могли обмануть даже пьяного матроса.

Но у неё была сила. Настоящая. И он понял: если он хочет выжить, он должен сделать так, чтобы она его защитила. Не из жалости —она не выглядела жалостливой. Не за деньги —у него их не было. А потому что он мог быть ей полезен. Он знал языки. Знал этикет. Знал, как вести переговоры и как открывать двери, закрытые для простых наёмников. Он мог предложить ей свои навыки в обмен на свою жизнь.

Это было отчаянно. Это было унижительно. Но это был его единственный шанс. Он не думал. Если бы он думал, он бы никогда этого не сделал. Но Таэлион Золотой никогда не думал — в этом была его главная проблема и его главное достоинство.

— ГОСПОЖА! —заорал он, бросаясь к её столу. —ЛЮБИМАЯ! ТЫ ПРИШЛА ЗА МНОЙ! Я ЗНАЛ, ЧТО ТЫ ВЕРНЁШЬСЯ!

Тишина, повисшая в таверне, была такой глубокой, что Таэлион услышал, как в углу скребётся мышь. Матросы замерли с кружками у ртов. Гноллы перестали бросать кости. Разносчица уронила поднос.

Дварф поперхнулся элем и закашлялся. Женщина с зелёными глазами прикрыла лицо ладонью —жест, который говорил: «Я с этими людьми не знакома». Лучник медленно потянулся к луку.

Совлинг не двигалась.

— Я Таэлион! —продолжал он, падая на колени перед её столом. —Таэлион Золотой! Твой самый преданный слуга! Твой должник! Твой... —он понизил голос до театрального шёпота, но так, чтобы слышали все, —...тайный возлюбленный!

Дварф снова поперхнулся — на этот раз воздухом.

В голове Таэлиона что-то щёлкнуло. Холод. Тишина. И голос —нет, не голос, мысль, чистая и ясная, как вода в горном ручье:

Я тебя не знаю.

Он не растерялся. Он умел импровизировать.

— Конечно, ты меня знаешь! —он простёр руки, как актёр на сцене. —Мы встретились три месяца назад в этой самой таверне! Ты сидела в углу, я играл на лютне, ты посмотрела на меня своими потрясающими глазами, и я понял, что пропал! Ты не помнишь? Я играл «Балладу о павшем рыцаре»! Ну, ту, где все умирают в конце!

Я не была здесь три месяца назад.

— Была! Ты просто забыла! У тебя, наверное, много поклонников! Но я —самый преданный! Самый страстный! Самый...

— Заткнись, —сказала женщина с зелёными глазами. У неё был спокойный, усталый голос целительницы, которая привыкла к бреду пациентов. —Ты привлекаешь внимание.

— Я всегда привлекаю внимание, —ответил Таэлион. —Это мой дар. И моё проклятие. В основном проклятие.

Он уже открыл рот для следующей тирады, когда дверь таверны распахнулась снова. На пороге стояли коллекторы — запыхавшиеся, злые, с дубинами наперевес. За ними маячили двое стражников, привлечённых шумом.

— Вот он! —крикнул один из коллекторов, указывая на Таэлиона. —Держите его! Он должен Криспину Долговой Яме пятьсот золотых!

— Пятьсот? —возмутился Таэлион. —Было четыреста восемьдесят! Это с процентами пятьсот, но я не соглашался на проценты! Я вообще не читал договор!

— Именем губернатора Нексуса! —гаркнул стражник. —Всем оставаться на местах!

В таверне начался хаос. Матросы, которые были в розыске, решили, что пришли за ними, и полезли в драку. Гноллы опрокинули стол. Разносчица закричала. Коллекторы бросились к Таэлиону. Стражники пытались пробиться через толпу. Дварф с перевязанной рукой —лихорадочно шарил в рюкзаке. Лучник —натянул тетиву.

Белая Тень встала.

Она не сделала ни одного лишнего движения. Просто встала — и тени в углах таверны дрогнули, потянулись к ней, как собаки к хозяйке. Воздух стал холоднее. Воздух стал холоднее. Стражники, которые уже подходили к столу, замерли. Коллекторы, только что кричащие «Держите его!», застыли у двери, будто наткнулись на невидимую стену. В их головах возникла одна и та же мысль, холодная и властная:

ЭТОТ ЭЛЬФ СО МНОЙ. МЫ УХОДИМ. НЕ СЛЕДУЙТЕ ЗА НАМИ.

Это был не приказ. Не грубая магия подчинения, ломающая волю. Совлинг просто вложила в их разумы новую мысль — как свою, как единственно верную. Стражники вдруг поняли, что эльф не представляет угрозы. Коллекторы — что долг подождёт. Их лица стали пустыми. Глаза остекленели. Они расступились, как вода перед носом корабля.

Но Белая тень заплатила. Она почувствовала, как из неё уходит тепло. Медленно, неумолимо. По жилам, от груди к кончикам пальцев, пробежал холод. Это было похоже на то, как гаснет свеча — не резко, а по капле, по вздоху. Она заставила себя стоять прямо. Заставила плечи не дрожать. Только когтистая ладонь на миг сжалась в кулак — так сильно, что когти проткнули кожу.

Никто не заметил. Кроме дварфа. Он смотрел на неё — и видел, как потускнели перья на загривке, как на секунду дрогнули крылья. Он не понимал, что произошло. Но он понял: это стоило ей дорого.

Совлинг схватила Таэлиона за шкуру.

— Эй! — возмутился он. — Это шёлк! Ты мне воротник порвёшь!

Ты в одной рубашке и рваных штанах. Это не шёлк. Это лён. Дешёвый.

— Я знаю. Но я выгляжу в нём как шёлковый.

Она потащила его к чёрному ходу. Её спутники последовали за ними. Последнее, что увидели посетители таверны — эльфа, с рваными штанами на заднице, которого волокли за шкуру, как нашкодившего котёнка, и который на прощание кричал коллекторам: «Я всё верну! Честное слово! Через неделю! Месяц! Год! Когда-нибудь!»

Дверь чёрного хода захлопнулась за ними. В подвале было тихо.

Таэлион сидел в углу на перевёрнутом ящике и пытался отдышаться. Его золотые волосы — тусклые, спутанные — прилипли ко лбу. Рубашка была порвана на плече. На щеке алела царапина — он зацепился за гвоздь, когда Совлинг тащила его через переулок. Босые ноги были в грязи и крови. Он выглядел как труп, который выбросило море, — и он знал это.

Дварф — Гнарл — сидел напротив, прижимая к груди перевязанную руку, и смотрел на него со смесью недоверия и любопытства. Лучник — Кай — стоял у двери, скрестив руки. Целительница — Рейна — сидела на втором ящике и перебирала травы. Лираэль стояла у стены, сложив крылья, и молча смотрела на Таэлиона. Её взгляд был тяжёлым, как надгробная плита.

— Спасибо, — сказал он. Без улыбки. Без позёрства. — Я... я не должен был втягивать вас. Но они сломали бы мне пальцы. А пальцы — это единственное, чем я зарабатываю. Ну, не только пальцы, но... - он осёкся и махнул рукой. — Неважно.

Ты должен мне, — пришла мысль от Лираэль. — Пятьсот золотых. И моё терпение.

Таэлион моргнул.

— Пятьсот? Но я... я думал, вы просто...

Ты думал, я спасу тебя бесплатно? Ты должен Мастеру Замков пятьсот золотых. Теперь ты должен их мне. Пока не отработаешь — ты идёшь с нами. Попытаешься сбежать — я тебя найду.

Таэлион открыл рот. Закрыл. Снова открыл. Потом — вопреки всему — усмехнулся.

— Пятьсот золотых и терпение. Итого — пятьсот золотых и бесконечность. Потому что терпение рядом со мной нужно бесконечное. — Он вздохнул. — Я разорён. Абсолютно. Даже если продам свою лютню — а она краденая, — не расплачусь. Придётся отрабатывать.

Ты умеешь что-нибудь, кроме как создавать проблемы?

— Я умею создавать иллюзии. — Он пошевелил пальцами, и на ладони возник крошечный золотой дракон, который расправил крылья и выпустил струйку дыма. — Я был магом Голоса. Когда-то. Теперь только иллюзии. Но хорошие иллюзии. Лучшие в Нексусе. — Дракон чихнул и исчез. — Ну, почти лучшие.

Что случилось с твоим голосом?

Таэлион замолчал. Он не хотел отвечать. Но Лираэль смотрела на него — и он чувствовал, что она видит больше, чем он хотел бы показать. Эмпатия. Проклятый дар совлингов. Она знала, что он лжёт — не словами, а молчанием.

— Я потерял его, — сказал он наконец. — Не в бою. Не в ритуале. Я просто... бросил его. Ушёл из Леса. Разорвал Узы. — Он усмехнулся — горько, без веселья. — Знаешь, что бывает с эльфом, который разрывает Узы? Он «расстраивается». Его магия гаснет. Его голос умолкает. Его волосы тускнеют. — Он провёл рукой по спутанным прядям. — Это золото когда-то было настоящим. Теперь это краска. Дешёвая.

В подвале повисла тишина. Даже Гнарл перестал ковыряться в бомбе.

Ты не жалеешь? — спросила Лираэль.

— О том, что ушёл? — Таэлион задумался. — Нет. О том, что потерял? Каждый день. Но свобода стоит того. Даже такая.

Он посмотрел на неё. На её белые перья. На запястье. Неровный, белёсый, расходящийся лучами, шрам. Таэлион видел такие отметины раньше — у тех, кто разорвал Узы. У тех, кого разорвали. Это не был след клинка. Это был след магии, которая вырвала кусок плоти вместе с душой.

— Ты тоже изгой, — сказал он. — Я вижу. У тебя такой же взгляд, как у меня. Взгляд человека, который не может вернуться домой.

Лираэль не ответила. Но её перья дрогнули - едва заметно.

— Ладно, — Таэлион хлопнул себя по коленям и встал. — Я в деле. Что мы делаем? Грабёж? Убийство? Свержение Империи? Я за любой вариант, лишь бы было весело и платили золотом.

Мы проникаем в Башню Равновесия, — ответила Лираэль. — *Ты создашь иллюзию, которая отвлечёт стражу.*

— Иллюзию? — Таэлион просиял. — Госпожа, вы обратились по адресу. Я могу создать что угодно. Дракона. Армию скелетов. Имперского инспектора с проверкой.

Сможешь создать тишину?

— Тишину? — он нахмурился. — Тишину сложнее. Тишина — это отсутствие. А я создаю присутствие.

Значит, будешь создавать присутствие. Громкое. Чтобы все смотрели на тебя, а не на нас.

Таэлион улыбнулся - на этот раз искренне.

— Госпожа, — сказал он, — это лучшее задание в моей жизни.

На крыше соседнего здания тень с красными глазами смотрела в подвальное окошко. Она видела пятерых изгоев, которые ещё не знали, что стали командой.

Тень метнулась прочь - докладывать хозяину.

Глава 6. В подвале

Лираэль прислонилась к стене и медленно сползла по ней.

Гнарл заметил это первым. Он вообще замечал всё, что касалось её, — с того самого момента, как она перевязала ему руку в этом же подвале несколькими часами ранее. Подвал был старым, с низким сводчатым потолком, покрытым паутиной, которая свисала серыми лохмотьями. Стены из грубого камня сочились влагой, и в углах, где свет масляной лампы уже не доставал, шевелилась темнота — густая, почти осязаемая. Где-то капала вода: размеренно, неумолимо, как метроном, отсчитывающий секунды до рассвета. На полу лежала солома, старая и прелая, но Гнарл успел сгрести её в подобие лежанки для Лираэль, пока остальные обустроивались. Пахло сыростью, ржавчиной от старых бочек, составленных у дальней стены, и сушёными травами из саквояжа Рейны — горьковатый, успокаивающий запах.

— Что с ней? — спросил Гнарл, поворачиваясь к Рейне.

Рейна отложила травы, которые перебирала при свете масляной лампы, и подошла ближе. Саквояж лежал у её ног — потёртая кожаная сумка с множеством кармашков, из которых торчали пучки сушёных растений, бинты и маленькие стеклянные пузырьки с настояками. Лираэль не сопротивлялась, когда целительница взяла её за руку — когтистую, покрытую мягкими белыми перьями. Пульс был частым, дыхание поверхностным. Перья на груди топорщились, как у замёрзшей птицы.

— Истощение, — сказала Рейна. — Её магия работает иначе, чем наша. Она не черпает силу из земли или из Паутины. Она берёт её из живого.

— Из Паутины? — переспросил Гнарл. Он всё ещё прижимал к груди перевязанную руку, но боль, кажется, отступила на второй план. — О чём ты?

Рейна на секунду задумалась, подбирая слова. Она привыкла объяснять пациентам, что с ними происходит, но здесь нужны были не медицинские термины, а что-то более понятное.

— Паутина — это сеть, — сказала она. — Невидимая. Она пронизывает весь Эон, все три кольца. Её создал Третий Завет — Завет Уз и Свободы. Каждый Связанный подключён к ней через Узы. Понимаешь?

Гнарл кивнул. Он знал об Узлах — он сам был Связанным, и его нить, соединявшая его с Глубинным Престолом, до сих пор кровоточила где-то внутри.

— Через Паутину Связанные получают магию, — продолжила Рейна. — Дварфы — от своей Горы. Эльфы — от своего Древа-Предка. Люди Империи — от своих клятв. Это как... колодец, из которого можно пить. Пока ты подключён к Паутине, у тебя есть вода. Но Свободные — мы не подключены. Мы не можем пить из этого колодца. Мы берём воду оттуда, где находим. Из земли. Из растений. Из живого.

— Поэтому Лираэль так выматывается, — тихо сказал Гнарл.

Рейна покачала головой.

— Это не потому, что она Свободная, — сказала она. — Кай тоже Свободный, и я тоже. Но мы черпаем силу из природы — из земли, из ветра, из растений. Это как дышать: ты не забираешь воздух, ты просто используешь то, что есть. А её магия... — Рейна запнулась, подбирая слова. — Её магия — это не дыхание. Это глоток. Она берёт из живого напрямую. Не из природы вообще — а из конкретного существа. Из травы под ногами. Из дерева. Из врага. Из друга.

Гнарл посмотрел на Лираэль. Она сидела, привалившись к стене, и её глаза были закрыты. Белые перья, обычно яркие и гладкие, потускнели и казались пыльными. Она дышала медленно, размеренно — так дышат те, кто пытается сберечь каждую каплю силы.

— Ты могла бы взять у меня, — сказал он тихо. — Я Связанный, по крайней мере был. Во мне ещё есть магия Горы. Я бы отдал, и не только её но и свою энергию. Сколько нужно.

Лираэль открыла глаза. Фиолетовые. Уставшие, но живые. Она покачала головой. Движение было слабым, но решительным.

Нет. Ты уже отдавал. Ты ранен.

— Это царапина. — Гнарл выставил вперёд руку. Короткие пальцы, мозоли от инструментов, шрам на большом пальце — след от сорвавшейся отвёртки. — Бери. У меня много сил. Я дварф. Мы выносливые. Нас в кузнице с детства закаляют. Я однажды проработал трое суток без сна и даже не зевнул. Ну, почти.

Я могу взять из растений.

— Здесь есть растения? — Таэлион обвёл взглядом подвал. — Я вижу только плесень. И паутину. Пауки считаются?

Рейна порывалась в саквояже и достала пучок сушёных трав — мяту, шалфей, розмарин. Стебли были ломкими, листья — блёклыми, но аромат всё ещё держался, наполняя воздух чем-то далёким и летним. Она протянула их Лираэль. Совлинг взяла пучок когтистыми пальцами и закрыла глаза. Травы дрогнули, побледнели, потом посерели и рассыпались в пыль, которая медленно стекла между её пальцев на каменный пол. Лираэль вздохнула — дрожь стала меньше, но не прошла.

— Этого мало, — сказала Рейна. — Растения отдают силу неохотно. Чтобы восстановиться после такой ночи, ей нужна целая охапка травы. Или дерево. Или...

— Или я, — перебил Гнарл.

Он подошёл и сел рядом с ней прямо на пол. Солома хрустнула под его весом. Их глаза встретились — его, тускло-оранжевые, горящие в темноте, как угли в прогоревшем горне, и её, огромные, фиолетовые, занимавшие почти треть лица. Он протянул ей руку ладонью вверх.

— Бери. Я настаиваю. Ты спасла меня дважды. Я у тебя в долгу. Не спорь. Я дварф. Мы, дварфы, вообще очень упрямые. Ты не представляешь, насколько.

Лираэль колебалась. Её взгляд метался между его лицом и его протянутой рукой. В тишине подвала было слышно только дыхание — её, частое и поверхностное, и его, спокойное, размеренное. Потом она медленно, очень медленно прикоснулась к его запястью. Её когтистые пальцы были холодными.

Гнарл почувствовал, как что-то потянулось из него. Это не было больно. Скорее — как если бы он вдруг пробежал мило без остановки. Или отработал смену в кузнице. Мышцы налились приятной, тёплой усталостью. Веки отяжелели. Дрожь Лираэль утихала. Перья разглаживались. Её дыхание становилось ровнее. И одновременно он чувствовал, как его собственное тело становится тяжелее, медленнее, теплее.

А потом она отдернула руку. Резко. Как будто обожглась.

— Что? — Гнарл моргнул. — Уже всё? Я в порядке. Я даже не устал. Ну, немного устал. Но я мог бы...

Нет. Мысль была твёрдой, как сталь. Хватит. — Я взяла половину. Этого достаточно.

— Половину? — возмутился он. — Да я только разогрелся! Я мог бы отдать ещё столько же! Я дварф, в конце концов, у меня...

Нет. Ты нужен мне живым. Я не возьму больше.

Гнарл открыл рот, чтобы возразить, но осёкся. «Ты нужен мне живым». Она сказала это не как командир — как кто-то, кому не всё равно. Он не знал, что ответить. Поэтому просто кивнул и остался сидеть рядом.

Лираэль закрыла глаза. Её дыхание стало глубоким и ровным. Перья на груди чуть заметно колыхались в такт. Рейна, наблюдавшая за ней, нахмурилась — потом её брови поползли вверх.

— Она спит, — сказала Рейна. — Я думала, совлинги не спят.

— Спят, — отозвался Таэлион. Он отложил зеркало и теперь смотрел на Лираэль с неожиданной серьёзностью. — Просто редко. Им не нужно столько сна, сколько нам. Если она заснула, значит, либо она истощена до предела, либо...

— Либо что? — спросил Гнарл.

— Либо она чувствует себя в безопасности.

Гнарл посмотрел на спящую сову. Её голова чуть склонилась набок — по-совиному, под неестественным углом, который у людей вызвал бы перелом шеи. Клюв был приоткрыт. Когтистые пальцы расслаблены. Она выглядела уязвимой. Впервые с тех пор, как он её встретил, она не была настороже. Не была готова к бою. Просто спала.

Он осторожно, стараясь не шуметь, снял с себя плащ и накрыл её плечи. Грубая шерстяная ткань легла поверх белых перьев. Лираэль не проснулась. Только перья чуть дрогнули — и замерли снова.

— Ну вот, — прошептал Гнарл. — Теперь ты похожа на обычную сову. Только большую. И фиолетовую. И смертоносную.

Он зевнул. Половина его энергии ушла на подпитку — и теперь его собственное тело требовало отдыха. Он свернулся калачиком на куче соломы рядом с ней и закрыл глаза. Через минуту он уже спал, и его дыхание смешалось с её — два ритма, медленный и быстрый, сплетающиеся в один.

Таэлион посмотрел на них — дварфа и совлинга, спящих рядом, — и покачал головой.

— Значит, Паутина — это как клуб привилегированных магов? — Он усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — Я тоже когда-то был подключён. У меня была нить - к Древу-Предку, к Лесу. Я пил из этого “колодца”. А потом разорвал Узы — и “колодец” закрылся. Теперь я пью из фляги.

Он поднял свою флягу с Полынью Забвения, будто произнося тост, и сделал глоток.

— Поэтому твои глаза потускнели, — сказала Рейна. Это был не вопрос.

— Поэтому всё потускнело, — ответил Таэлион. — Голос. Глаза. Волосы. Жизнь. Паутина не прощает тех, кто рвёт нити. Она как ревнивая любовница: если ушёл — не возвращается.

Кай, стоявший у двери, впервые за весь разговор подал голос:

— А Свободные? Те, кто родился без Уз?

— Мы никогда не были подключены, — сказала Рейна. — У нас нет нитей, которые можно порвать. Мы свободны — но за это платим. Наша магия слабее. Мы не можем пить из колодца. Мы собираем капли.

— Но вы можете идти куда угодно, — сказал сказал сквозь сон Гнарл, переворачиваясь на другой бок. — Дварф не может уйти далеко от своей Горы. Эльф — от Леса. Имперец - от своих клятв. А вы... — Он зевнул. - Вы можете быть где захотите.

— Поэтому нас и ненавидят, — тихо сказала Рейна. — За то, что мы можем уйти. За то, что мы не привязаны. За то, что мы — живое напоминание: Паутина не всемогуща.

В подвале повисла тишина. Каждый думал о своём. О нитях, которые держат. О колодцах, которые закрылись. О свободе, которая оказалась не такой, как они себе представляли.

Рейна вернулась к своим травмам, Кай сидел у двери. Он не спал — он вообще почти не спал. Лук лежал на коленях, пальцы машинально перебирали тетиву. Его взгляд был устремлён на Лираэль.

Таэлион проследил за его взглядом и усмехнулся.

— Она хороша в бою, — сказал он. — Я видел, как она двигалась в таверне. Два удара - и стражники замерли, как вкопанные. Теневой Шаг — и она уже за спиной. Никогда не видел ничего подобного.

— Она — Белая Тень, — ответил Кай. — Лучшая в Нексусе.

— Лучшая? м Таэлион поднял бровь. — А ты разбираешься в наёмниках?

— Я разбираюсь в убийцах.

— Мрачно. Но впечатляет. — Таэлион взял флягу, покрутил в руках и снова убрал. — Знаешь, лучник, я повидал много воинов. Орков, людей, dwarфов, даже пару драконорождённых. Но ни один из них не двигался так, как она. Это не тренировка. Это... что-то другое. — Он глотнул из фляги. — Если хочешь её получить, научись быть рядом без ожиданий.

Кай не ответил. Он смотрел на Лираэль — на плащ Гнарла на её плечах, на dwarфа, который спал рядом. «Научись быть рядом без ожиданий», — сказал Таэлион. Кай не знал, сможет ли. Но он знал, что хочет попробовать.

Ночью, когда все уснули, Таэлион сидел в углу подвала и смотрел на флягу.

Полынь Забвения. Горькая, почти ядовитая настойка, которая притупляла эльфийскую чувствительность. Он пил её каждый вечер — чтобы забыть Песнь, которую потерял. Чтобы забыть брата, который смотрел на него с гордостью. Чтобы забыть воробья, который пел что хотел. Он снова открутил крышку. Поднёс к губам. И остановился.

Что-то изменилось. Что-то в этом подвале, в этих людях, в этой белой сове с фиолетовыми глазами. Она смотрела на него — и не осуждала. Dwarф предлагал ему рубашку. Целительница перевязала его царапину, ничего не спрашивая. Лучник молчал, но его молчание было не враждебным — просто молчанием. Они были изгоями. Как он. Они были сломаны. Как он. Но они всё ещё не сдавались.

Он завинтил крышку.

— Не сейчас, голова болит, — прошептал он. — Может быть, завтра.

И убрал флягу в карман.

Утро пришло серым и влажным. Свет сочился через окошко под потолком — жидкий, молочный, какой бывает только в Нексусе, где солнце вечно борется с туманом и проигрывает. В подвале было тихо, только Гнарл что-то бормотал во сне про какую-то шестерёнку. Рейна уже не спала — она сидела у лампы и перетирала в ступке сушёные ягоды рябины. Мерный скрип пестика был единственным звуком, кроме дыхания спящих.

Лираэль выглядела значительно лучше, чем ночью. Она стояла у стены сложив крылья. Плащ, которым Гнарл укрыл её, был аккуратно сложен рядом с его лежанкой.

Гнарл проснулся, увидел сложенный плащ, и его лицо на секунду осветилось тёплой, глуповатой улыбкой. Он хотел что-то сказать, но Лираэль едва заметно качнула головой.

Не сейчас. Не при всех. — Он кивнул и промолчал.

Кай сидел у двери. Он видел этот обмен. Таэлион проснулся последним. Он сел, потирая шею, и скривился — солома набилась в волосы, плащ промок от сырости, а левый бок затек так, будто на нём спал медведь.

— Боги, — простонал он. — Почему в этом городе нет приличных постелей? Почему я сплю на соломе, как крестьянин? Я эльф. Я должен спать на шёлке. В крайнем случае - на бархате.

— Ты явился к нам пьяным и в одной рубашке и в рваных штанах на заднице, — заметила Рейна, не отрываясь от ступки. — Солома — это повышение.

— Я не был пьян. Я был вдохновлён.

— Ты кричал «Госпожа! Любимая!» на всю таверну и рухнул на колени. — Она подняла глаза, и в них блеснула искра веселья. — Если это вдохновение, то мне страшно представить, что ты творишь, когда влюблён по-настоящему.

Таэлион прижал руку к груди, изображая оскорблённое достоинство:

— Ты жестока, целительница. Я думал, твоё призвание — исцелять, а не наносить раны.

— Я исцеляю тех, кто заслуживает. Ты пока не заслужил.

— Значит, у меня есть стимул. — Он улыбнулся той самой улыбкой, которая, по его мнению, была неотразимой. — Я стану лучшей версией себя. Брошу пить. Заплачу долги. Может, даже женюсь.

— На ком? На трактирщице?

— На тебе, если согласишься.

Рейна фыркнула и вернулась к ступке.

— Я не выхожу замуж за тех, кого пришлось тащить за шкуру через полгорода.

— Это была не моя вина! Коллекторы...

— ...шли за тобой, а не за нами. Мы просто оказались рядом. И чуть не попали под арест из-за твоего спектакля.

— Я компенсирую. — Он широко улыбнулся. — Своей неотразимой харизмой и полезными иллюзиями.

— Харизма у тебя сомнительная, — сказала Рейна, возвращаясь к ступке. — А иллюзии... посмотрим. Может, и пригодятся.

Таэлион усмехнулся и начал подниматься. Солома зашуршала под ним, и он покачнулся — левая нога затекла и отказывалась слушаться. Рейна, не глядя, протянула руку. Он опёрся на неё, выпрямился и отвесил шутовской поклон:

— Благодарю, спасительница моих колен. Твоё милосердие не знает границ.

— Моё милосердие знает границы. Ты просто в них пока ещё вписываешься.

— Я польщён.

— Это не комплимент.

Лираэль наблюдала за ними от стены. Её фиолетовые глаза скользнули с Рейны на Таэлиона и обратно. Она ничего не сказала — ни вслух, ни мысленно. Только перья едва заметно дрогнули. Таэлион заметил это и, на свою беду, принял за одобрение:

— Госпожа! — воскликнул он. — Ваш взгляд - как утренняя роса на лепестках...

Замолчи.

Он замолчал. Рейна тихо рассмеялась.

— Она тебя понимает, — сказала она. — Это редкость.

— Я знаю, — вздохнул Таэлион. — И это делает всё ещё хуже. Она понимает — и всё равно хочет меня убить.

Я не хочу тебя убить. Ты полезен.

— Полезен? Я? — Он оживился. — Я польщён! В каком смысле полезен?

В отвлечении внимания. Ты хорошо кричишь.

Рейна фыркнула в ладонь. Гнарл, не удержавшись, хохотнул. Даже Кай, кажется, чуть расслабил челюсть.

— Мои таланты признаны, — сказал Таэлион с достоинством. — Пусть и в такой унижительной форме.

Через час, когда все окончательно оживились, после короткого сна, Лираэль отошла от стены и направилась к центру подвала, где стоял перевернутый ящик. Гнарл уже ждал её с огрызком бумаги и карандашом. Таэлион пригладил волосы пальцами - тщетно, они всё равно торчали в разные стороны. Рейна заварила остатки трав, и по подвалу поплыл аромат мяты. Кай остался у двери, но слушал.

Лираэль закрыла глаза. В головы всех четверых одновременно хлынули образы — чёткие, детальные, как архитектурный чертёж. Башня Равновесия. Три этажа. Узкие окна-бойницы. Магические печати на дверях. Стражники, сменяющиеся каждый час. Канализация — жуткое, темное местечко. Верхний этаж - круглый зал, в центре которого постамент..

— Так, — Гнарл склонился над бумагой и начал рисовать. Его рука двигалась быстро, уверенно — сказывались годы черчения механизмов. — Три этажа. Вход через парадную дверь, чёрный ход, окна и, судя по видению которое передала Лираэль, есть ещё канализация. Парадная дверь отпадает — там стража. Окна запечатаны магией. Чёрный ход - возможно, но там наверняка ловушки. Остаётся канализация. — Он поморщился. — Обожаю канализации. Там воняет, там крысы, там... ладно, я ненавижу канализации. Но это лучший вариант.

Согласна. Я пойду через тени. Отвлеките стражу.

— Отвлечение — это по моей части, — сказал Таэлион. — Что нужно? Дракон? Армия скелетов? Имперский инспектор с проверкой?

Что-то громкое. Чтобы все смотрели на тебя.

— Это моя специализация. — Он улыбнулся. — Я создам иллюзию пожара в соседнем здании. Дым, крики, паника. Стража побежит тушить. Вы проскользнёте внутрь.

— А если они не купятся? — спросила Рейна.

— Купятся. Я лучший иллюзионист в Нексусе. — Он сделал паузу. — Ну, единственный иллюзионист в Нексусе. Но это не умаляет моих достоинств.

Гнарл дорисовал схему и повернул её к остальным:

— Значит, так. Я иду через канализацию с начальницей. Взламываю замки на входе. Таэлион создаёт иллюзию. Кай прикрывает с крыши. Рейна ждёт в безопасном месте с медикаментами. Все согласны?

— Я иду внутрь, — сказал Кай.

Все посмотрели на него.

— Ты нужен на крыше, — сказала Рейна.

— Я нужен там, где Маркус Тал. — Кай поднял глаза. — Если он в Башне, я хочу встретиться с ним.

Будем смотреть по обстоятельствам. — Мысль Лираэль была твёрдой, но не холодной. — *пока по плану, ты будешь на крыше и прикроешь нас. Если Тал появится, ты узнаешь об этом первым. И тогда ты сделаешь то, что должен.*

Кай встретил её взгляд. Долгую секунду они смотрели друг на друга. Потом он опустил глаза.

— Хорошо. Я буду на крыше.

— Отлично! — Гнарл хлопнул в ладоши, слишком громко и слишком весело. — Все согласны! План готов! Осталось только добыть то, чего у нас нет. Инструменты. Реквизит для иллюзии. Медикаменты. Информацию о сменах стражи. И, может быть, что-нибудь поесть. Я умираю с голоду.

— Неудивительно, — фыркнула Рейна.

— Я дварф. У нас быстрый метаболизм.

— У вас быстрый едовой метаболизм, — уточнил Таэлион. — Но я не против. Я тоже хочу есть. И пить. Желательно — что-то покрепче чая.

Лираэль посмотрела на них — на Гнарла, который уже начал собирать инструменты; на Таэлиона, который пытался пригладить волосы ладонью; на Рейну, которая методично укладывала травы в саквояж; на Кая, который проверял тетиву. Её перья дрогнули — на этот раз заметно.

Вы все невыносимы. Но мы в одной лодке.

Никто не ответил. Но Гнарл улыбнулся, Таэлион подмигнул, Рейна кивнула, а Кай чуть заметно расслабил плечи. Этого было достаточно.

Спустя полчаса отряд был готов к выходу. Гнарл закинул рюкзак на плечо, проверил бомбы — на этот раз они не дымились. Таэлион поправил украденный плащ из таверны, провёл ладонью по волосам. Кай проверил тетиву в последний раз и повесил колчан на пояс. Рейна застегнула саквояж и перекинула его через плечо. Лираэль стояла у двери. Её плащ был влажным от сырости, но глаза горели ровным фиолетовым светом. Она была готова.

Выдвигаемся. К вечеру всё должно быть готово.

Гнарл первым шагнул к двери. Таэлион замыкал шествие, бросив последний взгляд в осколок зеркала. Рейна погасила лампу. Подвал погрузился в темноту — и отряд вышел в город.

Глава 7. Рынок Душ

Солнце висело над Нексусом мутным жёлтым пятном, и от этого город казался почти красивым — если не смотреть на грязь под ногами и не вдыхать слишком глубоко. Гнарл шагал по булыжной мостовой, и его короткие ноги двигались с той особой, упрямой скоростью, которая была свойственна только дварфам: не быстро, но неумолимо. Таэлион плёлся следом, кутаясь в украденный плащ, и выглядел так, будто всю ночь провёл не на соломе, а в объятиях какого-то особенно злобного демона.

— Значит, так, — сказал Гнарл, разворачивая список. Бумага была замусоленной, с загнутыми углами, и чернила кое-где расплылись от сырости. - Отмычки. Кислота для замков. Сера. Фосфоресцирующий порошок. Дымовые шашки. Масло для механизмов. И ещё кое-что для бомб, но это я сам. Ты что-нибудь понял?

— Я понял, что меня отправили с дварфом, который говорит быстрее, чем я пью, — ответил Таэлион. Его голос был хриплым после сна на сырой соломе, а волосы — некогда золотые, теперь тусклые — торчали в разные стороны, несмотря на все попытки пригладить их ладонью.

— А меня отправили с эльфом, который ноет быстрее, чем я чиню, — парировал Гнарл. — Идём. У нас много дел, а времени мало. Лираэль сказала — к вечеру всё должно быть готово.

При упоминании имени Лираэль Гнарл выпрямился - едва заметно, но Таэлион заметил. Он вообще замечал многое. Четыреста лет жизни среди эльфов, людей и прочих существ научили его читать язык тела лучше, чем иные читают книги. Гнарл в присутствии Лираэль становился другим — более собранным, более тихим. А когда её не было рядом, он говорил о ней с особой интонацией — той, какой говорят о ком-то, кто занимает слишком много места в мыслях.

— К вечеру так к вечеру, — сказал Таэлион. — Но сначала — завтрак. Я не могу работать на пустой желудок.

— Ты ленишься работать в принципе.

— Именно. Поэтому мне нужен завтрак.

«Медный котёл» был из тех таверн, что никогда не закрываются. Днём здесь было тише, чем ночью, — матросы уходили в порт, ночные бабочки спали, воры прятались по норам, — но всё равно пахло элем, жареным луком и чем-то кислым. Они заняли столик у окна, за которым открывался вид на рыночную площадь. Таэлион заказал эль и яичницу. Гнарл — чай и лепёшку.

— Чай? — Таэлион поднял бровь. — Ты дварф или травница?

— Я дварф, который ценит здоровый сон и ясную голову, — ответил Гнарл. — И тебе советую. У нас сегодня важный день.

— По твоим словам, у нас каждый день важный с тех пор, как мы встретили Белую Тень. — Таэлион сделал глоток. — Знаешь, я повидал много наёмников. В Империи, на Востоке, даже в Вольные Пустоши однажды забрёл. Но ни один из них не двигался так, как она. Ты видел её в таверне? Два удара — и стражники замерли. Она не просто убийца. Она... художник.

— Она спасла мне жизнь, — сказал Гнарл. — Дважды. И перевязала руку.

— Да, ты говорил. Раз пять.

— Я не хвастаюсь. Я просто... — Он осёкся. — Она хорошая. Для убийцы.

— Она лучшая, — поправил Таэлион. — Но я бы на твоём месте не обольщался. Такие, как она, не заводят романы. Они заводят клинки.

— Я не обольщаюсь и не хочу роман с ней! — Гнарл покраснел. — Я просто ценю её профессионализм. И заботу. И... и вообще.

— «И вообще», — повторил Таэлион с усмешкой. — Ладно, дварф. Я понял. Могила.

— Что — могила?

— Я буду нем как могила. О твоём «и вообще».

Гнарл хотел возразить, но Таэлион уже допил эль, доел яичницу и поднялся.

— Пошли. Рынок сам себя не обойдёт.

Рынок Душ был сердцем Нексуса. Огромный базар раскинулся на целый квартал между портом и Центральным Кварталом, и здесь можно было купить всё — от свежей рыбы до запрещённых артефактов, от травяных настоек до краденых драгоценностей. Лавки громоздились друг на друга, палатки налезали на палатки, лотки выстраивались вдоль улиц в три ряда, и между ними текли реки людей — торговцев, покупателей, воров, зевак.

Пахло специями, жареным мясом, кожей, маслом для ламп, рыбой, потом, духами, гнилыми фруктами и ещё сотней запахов, которые смешивались в один густой, почти осязаемый аромат — запах денег. Торговцы кричали, зазывали, спорили, ругались на дюжине языков. Где-то звенели монеты. Где-то играла расстроенная лютня.

Гнарл преобразился. Его плечи расправились, глаза загорелись, и он нырнул в толпу с ловкостью, неожиданной для существа его комплекции. Таэлион едва поспевал за ним.

— Держись рядом! — крикнул Гнарл через плечо. — Здесь легко потеряться!

— Я не теряюсь, — ответил Таэлион. — Я просто... отстаю стратегически.

Первым делом они направились к гоблину-торговцу, у которого Гнарл обычно покупал инструменты. Гоблина звали Злотоглоть — имя, которое он полностью оправдывал. Он был низким даже по гоблинским меркам, с кожей цвета болотной тины и глазами, которые бегали так быстро, будто пытались сбежать с лица. Его лавка представляла собой телегу, заваленную металлическим хламом.

— Гнарл! — воскликнул Злотоглоть, всплеснув руками. — Я думал, тебя убили! Или посадили! Или убили, а потом посадили!

— Я жив, — сказал Гнарл. — И мне нужны отмычки. Хорошие. Не те, что ты продал мне в прошлый раз и которые сломались после второго замка.

— Те отмычки были отличными! Ты просто неправильно ими пользовался!

— Я пользовался ими правильно. Они сломались.

— Значит, замок был неправильный!

Гнарл вздохнул и принялся торговаться. Это было зрелище, достойное отдельной платы. Гнарл и Злотоглоть сцепились, как два бойцовых петуха, — гoblin заламывал цену, дварф сбивал её, гoblin делал вид, что оскорблён, дварф делал вид, что уходит. Таэлион наблюдал за этим с интересом. Он привык к тому, что деньги добываются либо флиртом, либо кражей, либо честным трудом. Торг как вид спорта был для него в новинку.

Через десять минут Гнарл вышел из лавки с набором отмычек в кармане и с ценой, которая была втрое ниже первоначальной.

— Ты мог бы быть купцом, — сказал Таэлион.

— Я мог бы быть кем угодно, — ответил Гнарл. — Но я выбрал бомбы.

— Почему?

Гнарл помолчал. Потом сказал — тихо, без обычной болтливости:

— Потому что бомбы не смеются надо мной.

Таэлион открыл рот, чтобы ответить шуткой, но осёкся. Что-то в голосе дварфа заставило его передумать. Вместо шутки он просто кивнул и пошёл дальше.

Торговка артефактами держала лавку в дальнем углу рынка, под навесом из выцветшего шёлка. Её звали мадам Грета, и она была из тех женщин, чей возраст невозможно определить — где-то между пятьюдесятью и пятьюстами. Ярко накрашенные губы, острые глаза, кольца на каждом пальце. Над прилавком висели амулеты, кристаллы, пучки сушёных трав и какие-то банки с плавающими в них штуками, которые Таэлион предпочёл не рассматривать.

— Фосфоресцирующий порошок, — сказал он, облачаясь на прилавок. — Самый лучший. Для иллюзий.

— Для иллюзий, — повторила мадам Грета. — Или для того, чтобы устроить пожар в доме кредитора?

— Иллюзия пожара — это тоже иллюзия.

— Ты эльф, — сказала она, разглядывая его. — Я видела эльфов раньше. У вас, знаешь ли, особая аура. Вы все думаете, что вы бессмертны. А потом оказывается, что нет.

— Я не думаю, что я бессмертен. — Таэлион улыбнулся. — Я просто надеюсь, что умру красиво.

Мадам Грета фыркнула. Но порошок продала — и даже сделала скидку. «За честность», — сказала она. Таэлион не стал уточнять, что он был честен ровно настолько, насколько это было выгодно. Он сунул мешочек с порошком в карман рюкзака Гнарла — «ты же механик, тебе и хранить», — и они пошли дальше.

Они уже почти закончили со списком, когда Таэлион замер посреди рыбного ряда. Его лицо, обычно сохранявшее выражение ленивого превосходства, внезапно стало белым, как перья Лираэль.

— Что? — спросил Гнарл. — Что такое?

— Она, — прошептал Таэлион.

Гнарл проследил за его взглядом. У лотка с топорами стояла женщина — пышная, каштановолосая, в платье с глубоким декольте. Рядом с ней стоял мужчина — огромный, краснолицый, с бычьей шеей и ручищами, которыми можно было гнуть подковы. Он как раз примерял новый топор — взвешивал в руке, пробовал лезвие пальцем.

— Кто это? — спросил Гнарл.

— Марта, — выдавил Таэлион. — И её муж. Трактирщик. Из «У Марты».

— Из какого «У Марты»? Того самого, где...

— Да. Того самого.

— Ты спал с Мартой из трактира «У Марты»?!

— Я не знал, что она замужем!

— Как можно не знать?! У них трактир называется в её честь!

— Я думал, это маркетинговый ход!

В этот момент Марта повернула голову. Их глаза встретились. Её губы приоткрылись. Она дернула мужа за рукав и указала пальцем на Таэлиона.

— Я вот понять не могу — Заговорил Таэлион, видя жест Марты. — Ей что ли нравится натравливать мужа на своих любовников...

Трактирщик обернулся. Его лицо, и без того красное, стало цвета сырого мяса.

— ТЫ! — взревел он.

— Бежим, — сказал Таэлион.

— Что?

— БЕЖИМ!

Они бросились в толпу. Трактирщик, размахивая топором, ринулся за ними. Он был большим и сильным, но медленным — толпа тормозила его. Гнарл и Таэлион петляли между лотками, опрокидывая корзины и распугивая покупателей. Позади гремел голос трактирщика:

— Я ТЕБЕ ЯЙЦА ОТРЕЖУ, ЭЛЬФИЙСКАЯ ПАДАЛЬ!

— Он очень зол! — крикнул Гнарл.

— Я заметил!

— Что будем делать?!

— Ты механик! Придумай что-нибудь!

Гнарл на бегу сунул руку в рюкзак и вытащил дымовую бомбу. Он дёрнул запал и швырнул её через плечо. Бомба ударилась о булыжник и взорвалась облаком серого дыма. Трактирщик, вбежавший в это облако, закашлялся и остановился.

— За лоток! — Крикнул Гнарл.

Они нырнули за лоток с рыбой. Он был деревянным, мокрым и вонючим. Над ними возвышалась гора селёдки.

— Зачем ты кричал?! — прошипел Таэлион. — Теперь он знает, где мы!

— Он и так знал! Он нас видел!

— Он видел нас, но не знал, куда мы побежали! Теперь он знает, что мы за рыбным лотком!

Трактирщик, кашляя, выбрался из дыма. Его глаза налились кровью. Он увидел их торчащие затылки и взревел. Топор взлетел. Лоток разлетелся в щепки. Рыба — селёдка, треска, какие-то скользкие твари — полетела во все стороны. Огромный лосось приземлился Таэлиону прямо на голову.

— ДЫМОВАЯ БОМБА НЕ ПОМОГЛА! — заорал Таэлион, отплёвываясь от рыбы.

— Я ЗНАЮ!

— У ТЕБЯ ЕСТЬ ЕЩЁ ОДНА?!

— ЕСТЬ! НО ОНА ТОЖЕ ДЫМОВАЯ!

— БРОСАЙ!

Гнарл швырнул вторую бомбу. На этот раз они не стали дожидаться, пока дым рассеется. Они побежали — через ряды, через толпу, через площадь. Трактирщик остался где-то позади, его крики потонули в рыночном шуме.

В переулке, между двумя складами, они остановились. Гнарл упёрся руками в колени и пытался отдышаться. Таэлион стоял, привалившись к стене. С его волос свисали рыбы внутренности. Плащ был в чешуе. От него пахло так, будто он провёл ночь на дне рыбацкой лодки.

— Ты спал с Мартой из трактира «У Марты», — сказал Гнарл. — И не знал, что она замужем.

— Я не спрашивал. Она не говорила.

— Может, надо спрашивать?!

— Может, надо вешать табличку «Замужем» на шею?!

Они посмотрели друг на друга. Гнарл фыркнул. Таэлион усмехнулся. Через секунду они уже ржали — громко, взахлёб, как два безумца. Таэлион сполз по стене и сел прямо в лужу. Гнарл привалился к бочке и хохотал так, что слёзы текли по щекам.

— Ты самый бесполезный напарник в моей жизни, — выдавил Гнарл, когда смех наконец стих.

— Я знаю, — ответил Таэлион. — Но я весёлый.

— Это да. — Гнарл вытер глаза. — Весёлый ты точно.

Они вернулись на рынок кружным путём, держась подальше от рыбного ряда. Им оставалось купить серу и ещё кое-какие компоненты для бомб. Гнарл знал нужного торговца — старика по имени Бертрам, который держал алхимическую лавку в самом дальнем углу рынка.

Лавка Бертрама была тёмной и пыльной. Вдоль стен стояли стеллажи с банками, склянками, мешочками. Пахло уксусом, селитрой и чем-то металлическим. Сам Бертрам — сухой, сгорбленный, с безумными глазами сидел за прилавком и перетирал что-то в ступке.

— Гнарл, — сказал он, не поднимая головы. — Ты всё ещё жив.

— Все сегодня так говорят, — ответил Гнарл. — Мне нужна сера. И ещё селитра. И кислотный порошок.

Бертрам изучил список, хмыкнул и полез под прилавок. Через минуту он выложил перед ними несколько мешочков и пузырьков. Один из мешочков был с серой — мелкий жёлтый порошок, похожий на растёртую яичную скорлупу.

— Не смешивай серу с фосфоресцирующим порошком, — сказал Бертрам, покосившись на рюкзак Гнарла. — У тебя ведь есть фосфоресцирующий порошок? Вон, из кармана торчит.

Гнарл машинально хлопнул по карману, куда Таэлион сунул ему мешочек от мадам Греты.

— Я знаю, — сказал он. — Я механик.

— Я предупредил.

Гнарл расплатился и начал укладывать покупки в рюкзак. Рюкзак был набит до отказа. Когда он заталкивал серу поглубже, мешочек зацепился за что-то острое и разорвался. Жёлтый порошок высыпался прямо на мешочек с фосфоресцирующим порошком, который лежал открытым — Таэлион забыл его завязать.

Раздался хлопок — не громкий, так, будто кто-то хлопнул пробкой. Но эффект был мгновенным. Гнарла окутало облако светящейся зелёной пыли. Она осела на его волосах, на бороде, на одежде, на руках. Он замер. Поднял руки. Посмотрел на них.

Они светились зеленым.

— О нет, — сказал он. — Нет. Нет. Нет.

Он светился весь. С головы до ног. Как гигантский светлячок. Как маяк. Как маленькое зелёное солнце. Таэлион уставился на него. Его рот медленно растянулся в улыбке.

— Не смей, — сказал Гнарл.

— Я ничего не говорю.

— Ты улыбаешься!

— Я не улыбаюсь. Это нервное.

— Ты сейчас заржёшь!

— Я не...

Таэлион заржал. Он согнулся пополам, держась за живот. Он хохотал так, что из глаз брызнули слёзы. Бертрам, сидевший за прилавком, поднял глаза — увидел светящегося дварфа — и вернулся к своей ступке с видом человека, который давно перестал удивляться.

— Я предупреждал, — сказал он.

— Я светящийся дварф! — заорал Гнарл. — Меня теперь видно за милю! Как я пойду на секретное задание?! Я же как факел! Как зелёный факел!

— Будешь отвлекать внимание, — выдавил Таэлион сквозь смех.

— Это не смешно!

— Это очень смешно. Ты светишься. Ты — светящийся дварф. Это самое смешное, что я видел за последние сто лет.

Гнарл плюнул на всё и сел на ящик. Таэлион, всё ещё всхлипывая от смеха, сел рядом.

— Ты знаешь, как это убрать? — спросил Гнарл у Бертрама.

— Вода, — ответил старик, не поднимая головы. — Много воды, мыло и время

— У нас нет времени. У нас задание.

— Тогда будешь светиться.

Гнарл вздохнул и встал.

— Пошли. Тут недалеко есть фонтан.

Фонтан на площади Трёх Свечей был огромной каменной чашей с потрескавшейся статуей неизвестного героя посередине. Герой простирал руку к небу — то ли в патриотическом жесте, то ли пытаясь поймать голубя, никто уже не помнил. Вода в фонтане была зеленоватой от водорослей и мутной от времени, но она хотя бы была водой.

Гнарл залез в чашу, не снимая одежды. Вода оказалась холодной. Он начал тереть руки, лицо, бороду. Свечение постепенно тускнело, смывалось, уходило в воду. Таэлион сидел на бортике, свесив ноги, и давал советы.

— Правее. Нет, левее. С точки зрения наблюдателя. У тебя за левым ухом светится. Нет, за правым. Я забыл, какое у тебя осталось.

— Ты вообще помогаешь или просто наслаждаешься?!

— Одно другому не мешает.

Наконец свечение погасло. Гнарл выпрямился, мокрый насквозь, но уже не светящийся. Таэлион хлопнул в ладоши:

— Bravo! Ты снова выглядишь как обычный дварф, а не как ночной кошмар алхимика.

Гнарл медленно поднялся. С его одежды текла вода. Он подошёл к Таэлиону и протянул руку — будто прося помочь выбраться.

Таэлион, ничего не подозревая, протянул руку в ответ. А Гнарл дёрнул.

Таэлион с воплем полетел в воду. Фонтан взорвался брызгами. Статуя неизвестного героя, кажется, вздрогнула. Когда Таэлион вынырнул — мокрый, отплёвывающийся, с прилипшими к лицу золотыми волосами, — Гнарл стоял на бортике и смотрел на него с выражением глубочайшего удовлетворения.

— Ты тоже был грязный, — сказал он. — В рыбьей чешуе. И ты ржал надо мной. Теперь мы квиты.

— Ты... — Таэлион пытался найти слова. — Ты... дварф!

— Я знаю. Я родился таким.

— Ты столкнул меня в фонтан!

— Ты заслужил.

Таэлион открыл рот, чтобы возмутиться, но вместо этого начал смеяться. Громко, залиvisto. Он сидел в фонтане по пояс в воде, и с него ручьями текла грязная вода, и он был счастлив. По-настоящему счастлив. Впервые за долгое время.

— Ладно, — выдавил он. — Ладно. Квиты. Ты выиграл этот раунд.

Гнарл протянул ему руку — на этот раз искренне. Таэлион схватился за неё и выбрался из фонтана. Теперь они оба были мокрые. Оба грязные. И оба смеялись.

В этот момент на площадь вышли двое стражников. Они увидели эльфа и дварфа, стоящих у фонтана. Фонтан всё ещё бурлил. На поверхности плавали ошмётки водорослей. Таэлион вонял рыбой, а Гнарл — с прилипшей к щеке тиной.

Первый стражник открыл рот. Второй положил ладонь ему на плечо.

— Мы этого не видели, — сказал второй.

— Но они...

— Мы. Этого. Не. Видели. Мы вообще сегодня не выходили из участка.

Стражники развернулись и ушли — быстро, почти бегом. Гнарл и Таэлион проводили их взглядами.

— Нас только что проигнорировала стража, — сказал Таэлион.

— Это лучший день в моей жизни, — ответил Гнарл.

На обратном пути они прошли мимо лавки сладостей. Гнарл остановился. В витрине, за мутным стеклом, лежали засахаренные фрукты, орехи в меду и цветы на тонких палочках. Один из них был фиолетовым — почти такого же оттенка, как глаза Лираэль.

— Подожди, — сказал он.

Таэлион прислонился к стене и скрестил руки. С его плаща всё ещё капала вода, оставляя на булыжниках тёмные пятна.

— Только не говори, что это для неё.

— Это не для неё. Это... просто. Цветок. Фиолетовый. Мне нравится фиолетовый.

— Ты ненавидишь фиолетовый. Ты говорил пока мы шли, что фиолетовый — это цвет синяков.

— Я передумал.

Гнарл зашёл в лавку и вышел через минуту с цветком в руке. Он был завернут в тонкую вощёную бумагу, чтобы не растаял. Гнарл бережно убрал его во внутренний карман — туда, где было сухо.

— А ты? — спросил он, глядя на Таэлиона. — купишь что-нибудь? Орехи? Сушёные фрукты? Бутылку сидра?

— Сидр — это не сладость.

— В этой лавке всё что угодно — сладость, если заплатишь.

Таэлион хмыкнул и зашёл внутрь. Через минуту он вышел с двумя пакетиками засахаренных орехов. Один он открыл сразу, достал горсть и закинул в рот. Второй убрал в карман — небрежно, будто это ничего не значило.

— Для кого? — спросил Гнарл.

— Для себя. На потом.

— У тебя два пакетика.

— Я прожорливый.

Гнарл не стал настаивать. Они пошли дальше — два мокрых, грязных, уставших изгоя, которые только что убегали от трактирщика, перемазались всем, чем было только можно, и искупались в фонтане. И которые впервые за долгое время чувствовали, что у них есть что-то вроде друга.

Когда они вернулись в подвал, там было пусто и тихо — Рейна и Кай ещё не вернулись, Лираэль тоже отсутствовала. Гнарл сел на свой ящик, достал из кармана цветок, проверил — не помялся ли, — и снова спрятал. Таэлион сделал вид, что не заметил.

Гнарл стянул мокрую куртку и развесил её на бочке — пусть сохнет. Таэлион последовал его примеру, ворча что-то про эльфийское здоровье и дварфийские методы стирки. В подвале было тихо, только где-то капала вода. Они ждали остальных.

Глава 8. Тени города

Рейна и Кай вышли из подвала вскоре после Гнарла и Таэлиона — но, в отличие от них, не свернули к таверне, а направились сразу в лавку травника. Им нужно было купить медикаменты, еду в дорогу, и Рейна хотела управиться до полудня, пока рынок не наводнили толпы. Кай, как всегда, шёл первым — его лук висел за спиной, колчан на поясе. А за спиной, в чехле, — она. Особенная. Из тёмного серебра. Та, что ждала. Он никогда не доставал её без необходимости.

Утренний Нексус просыпался. Торговцы открывали ставни лавок, грузчики таскали тюки с рыбой и зерном, матросы выползали из портовых таверн и шурились на солнце. Пахло солью, водорослями и жареным луком — запах доносился от тележки уличного повара, который ловко переворачивал лепёшки на раскалённой жаровне. Где-то вдалеке кричали чайки.

Кай сканировал улицу. Каждая крыша — потенциальная позиция для стрельбы. Каждое окно — возможная засада. Он не мог расслабиться даже на минуту. Он разучился расслабляться двенадцать лет назад, когда их родителей убили, а их самих вышвырнули из поселения друидов.

Рейна шла чуть позади. Её саквояж с травами висел на плече — потёртая кожаная сумка с множеством кармашков, из которых торчали пучки сушёных растений. Она смотрела на город с усталой нежностью. Она видела много таких городов — грязных, шумных, жестоких. И все они были одинаково живы. В этом было что-то утешительное.

— Ты опять не спал, — сказала она. Это был не вопрос.

— Я спал.

— Ты сидел у двери всю ночь.

Кай не ответил. Его пальцы машинально коснулись тетивы — привычка, от которой он не мог избавиться. Рейна вздохнула и не стала наседать. Она просто взяла его под руку — коротко, крепко, — и они пошли дальше.

Лавка травника находилась в тихом переулке, вдали от рыночной суеты. Это было старое здание с покосившейся вывеской, на которой выцвели буквы: «Орлан. Травы и снадобья». Стены были увиты плющом — он пробивался сквозь трещины в камне и тянулся к свету, цепляясь за карнизы. Окна были маленькими и пыльными, но за ними угадывался тёплый свет масляной лампы.

Внутри пахло сушёной мятой, шалфеем, корнем валерианы и чем-то горьким — возможно, полынью. Вдоль стен стояли стеллажи с банками, склянками, мешочками. С потолка свисали пучки трав — некоторые были ещё зелёными, другие давно высохли и посерели от времени. В углу тихо тикали старые часы с маятником — медленно, неумолимо, как сердце умирающего.

Орлан сидел за прилавком, перетирая что-то в ступке. Он был стар — его руки дрожали, а глаза, когда-то зоркие, теперь затянула белёсая пелена. Но он узнал Рейну по шагам — лёгким, осторожным, какими ходят только целители

— Рейна, — сказал он, не поднимая головы. — Давно ты не заходила.

— Была занята. — Рейна подошла к прилавку и достала список. — Мне нужны бинты, мазь от ожогов, обезболивающее, спирт для обработки ран. И кровоостанавливающий порошок. Много.

Орлан хмыкнул, изучая список. Его пальцы пробежали по строчкам — удивительно ловкие для такого старого человека.

— Готовишься к войне? — спросил он.

— Готовлюсь к худшему.

— Это одно и то же.

Он полез под прилавок и начал выкладывать покупки: рулоны бинтов, стеклянные пузырьки с настойками, глиняные горшочки с мазями. Кай стоял у двери, прислонившись к косяку, и смотрел на улицу через щель в шторе. Его лицо было бесстрастным, но Рейна знала: он слушает.

— Твой брат всё ещё ищет его? — спросил Орлан. Его голос был тихим, почти шёпотом. Рейна замерла. Её рука с пузырьком настойки зависла в воздухе.

— Да, — сказала она. — Всё ещё.

Орлан покачал головой.

— Месть — это яд, — сказал он. — Ты это понимаешь. Я это понимаю. А он — нет.

Кай не обернулся. Рейна знала: он слышит каждое слово. Но он ничего не сказал. Он никогда ничего не говорил в такие моменты.

Рейна расплатилась. Орлан взял деньги и неожиданно сжал её руку своими сухими, дрожащими пальцами.

— Береги себя, девочка, — сказал он. — И его. Даже если он этого не хочет.

— Я всегда берегу, — ответила Рейна.

Она вышла. Кай последовал за ней. На улице она взяла его за руку — коротко, крепко. Он не ответил на пожатие, но и не отдернул руку. Для него это уже было много.

Рынок Душ встретил их шумом и суетой. Продовольственные ряды располагались в восточной части базара — здесь пахло иначе, чем в рядах с артефактами и инструментами. Здесь пахло хлебом, копчёным мясом, сыром, специями, свежей зеленью. Лотки ломились от товаров: горы золотистых буханок, связки колбас, головки сыра в воске, бочонки с соленьями, корзины с фруктами.

Рейна шла между рядами, сверяясь со списком. Кай следовал за ней как тень — молча, настороженно, но без напряжения. Здесь, среди еды и торговцев, было почти безопасно. У лотка с хлебом их встретила пожилая женщина с руками в муке. Её звали Берта, и она знала Рейну — как и многие бедняки Нексуса, которым Рейна лечила раны и болезни, не спрашивая платы.

— Госпожа Рейна! — воскликнула Берта, всплеснув руками. Облачко муки взвилось в воздух. — Вы всё ещё лечите бедняков?

— Пытаюсь, — ответила Рейна. — Мне нужно пять буханок хлеба. Тех, что долго не черствеют.

— Пять буханок! — Берта покачала головой. — Вы кормите целую армию?

— Маленькую армию. Очень голодную.

Берта завернула хлеб в чистую ткань и положила в корзину. А потом добавила ещё две буханки — просто так, без слов. Рейна потянулась за кошельком. Берта остановила её:

— Нет. За тех, кого ты спасла. За моего внука. За мою сестру. За всех, кто не мог заплатить, но всё равно получил помощь. Я не возьму с тебя денег.

Рейна хотела возразить, но что-то в глазах Берты заставило её замолчать. Она кивнула и убрала кошелёк.

— Спасибо, — сказала она.

— Это тебе спасибо, — ответила Берта.

Кай наблюдал за этой сценой. Его лицо оставалось бесстрастным, но что-то в его взгляде изменилось — едва заметно. Рейна знала: он гордится ей. Он никогда не говорил этого вслух, но она знала.

У лотка с сыром им пришлось торговаться. Сыровар — толстый краснолицый мужчина в заляпанном фартуке — пытался завысить цену. Рейна спокойно указала на плесень в углу прилавка и на муху, ползавшую по головке сыра. Сыровар побагровел. Цена упала вдвое.

— Ты хорошо торгуешься, — заметил Кай, когда они отошли.

— Я научилась. Когда ты лечишь бесплатно, каждая монета на счету.

Кай кивнул. Это был короткий, скупой кивок — но для него это было всё равно что объятие.

У лотка с сушёным мясом Кай задержался. Торговец — молодой парень с жидкой бородкой — пытался всучить им прошлогодний товар. Кай поднял кусок мяса, понюхал, положил обратно.

— Это прошлогоднее. Жёсткое, как подмётка. Если есть нормальное — бери свою цену. Если нет — мы идём дальше.

Парень замялся, потом достал из-под прилавка другой свёрток — настоящую вяленую оленину. Кай кивнул. Рейна расплатилась.

Они уже почти закончили с покупками, когда Кай остановился у лотка кузнеца — пожилого дварфа с обожжёнными руками и прокопчённым фартуком. На прилавке были разложены наконечники для стрел — широкие, узкие, бронебойные, зазубренные. Кай выбрал дюжину обычных, стальных, и уже собирался расплатиться, когда его взгляд упал на один наконечник, лежащий отдельно. Он был серебряным, с тонкой гравировкой по краю — не просто оружие, а произведение искусства.

— Этот не продаётся, — сказал кузнец. — Сделан на заказ. Для одного имперского офицера. Он сказал, что такие наконечники пробивают магические щиты.

— Я знаю, — ответил Кай. — Я сам такие делаю.

Кузнец поднял бровь, но ничего не сказал. Кай расплатился за обычные наконечники, и они пошли дальше.

Рейна заметила, как дрогнули его пальцы, когда он смотрел на серебряный наконечник.

— Твоя тринадцатая стрела, — сказала она. — Ты всё ещё носишь её.

— Всегда.

— Ты когда-нибудь использовал её?

— Нет. — Кай помолчал. — Она для него.

Рейна не спросила, для кого. Она знала.

Их отец, имперский рыцарь Аларик Веран, нарушил клятву, чтобы спасти их мать. Он учил Кая стрелять. Не наставнически, не свысока. Просто. Как учат дышать. Он стоял позади, поправлял локоть, говорил тихо, почти на ухо. И повторял одно и то же, пока Кай не запомнил намертво.

Обычные стрелы — чтобы выжить. Особенная — чтобы победить.

«Пока ты жив, — говорил отец, — ты можешь проиграть бой. Но не войну».

У него была своя особенная. Он берёт её годами. До того дня, когда она понадобилась. В тот день он не промахнулся. Но и не выжил. Стрела Маркуса Тала вошла ему в грудь. Насквозь. И он умер, глядя на неё. На свою. Которая так и не долетела.

Кай помнил его руки. Тёплые. Шершавые. Как он поправлял тетиву. Как говорил: «Не торопись. Спешка — это страх. А страх — это смерть». Помнил запах — дым, кожа, порох. Помнил, как отец смотрел на мать. Как будто она была единственным, что имело значение.

Теперь у Кая была своя. Одна. Особенная. Она лежала отдельно. В чехле. За спиной. Он не носил её в колчане. Не смешивал с обычными. Она была не для боя. Она ждала. Двенадцать лет. И он ждал. Вместе с ней.

Когда они уже возвращались с рынка, где-то вдалеке раздался хлопок — негромкий, как пробка из бутылки, — и вслед за ним донёсся крик, полный отчаяния и злости: «Я светящийся дварф! Меня теперь видно за милю! Как я пойду на секретное задание?!»

Рейна остановилась и обернулась на звук. Улица позади была пуста, только две кошки дрались из-за рыбьей головы в сточной канаве. Эхо крика ещё металось между домами, отражаясь от каменных стен.

— Это был Гнарл? — спросила Рейна.

— Похоже на него, — ответил Кай.

— Он кричал что-то про секретное задание. На весь рынок.

— Значит, Таэлион с ним. Один Гнарл не стал бы кричать на весь рынок. Ему нужен был кто-то, кто его доведёт.

Рейна вздохнула и покачала головой. Где-то в глубине души она надеялась, что эти двое справятся без приключений. Напрасно.

— С ними всё будет в порядке? — спросила она.

— Гнарл — дварф. Таэлион — эльф. Один взрывает, второй заговаривает. Выкрутятся.

— Ты только что произнёс самую длинную фразу за день.

— Ты ведёшь счёт?

— Конечно. Я твоя сестра.

Кай ничего не ответил, но уголки его губ чуть дрогнули. Рейна заметила и улыбнулась. Они пошли дальше, оставив эхо крика позади. Если Гнарл и Таэлион попали в неприятности, им придётся выпутываться самим. У Рейны и Кая были свои дела.

На обратном пути они прошли через старый парк — клочок зелени, спрятанный между двумя заброшенными храмами. Парк был маленьким и запущенным: каменные плиты дорожек потрескались, трава пробивалась сквозь щели, скамейки покосились. Но здесь было тихо. Огромный дуб — старый, больной, с дуплом в стволе — раскинул ветви над центральной аллеей, и в их тени можно было спрятаться от солнца. Пахло мокрой землёй, прелыми листьями и дикими цветами, пробивающимися сквозь камни. Где-то в кроне дуба пела птица — простая, невзрачная, но её песня звучала так чисто, что у Рейны защемило сердце.

— Посидим, — сказала она.

Кай колебался. Он не привык просто сидеть. Он привык ждать, наблюдать. Но Рейна уже опустилась на покосившуюся скамейку, и он сел рядом — неловко, будто забыл, как это делается.

Тишина. Ветер шевелил листву. Солнце пробивалось сквозь ветви, рисуя на каменных плитах дрожащие узоры. Корзина с едой стояла у ног Рейны — она пахла хлебом, сыром и копчёным мясом.

— Ты смотришь на неё, — сказала Рейна.

Кай не ответил. Его пальцы сжались на луке, лежащем на коленях.

— На Лираэль, — продолжала Рейна. — Ты смотришь на неё так же, как Гнарл. Только он не скрывает. А ты скрываешь.

— Я не...

— Кай. — Рейна повернулась к нему. Её зелёные глаза — усталые, но тёплые — смотрели прямо в его тёмные. — Я твоя сестра. Я знаю тебя лучше, чем кто-либо. Ты не умеешь скрывать то, что для тебя важно.

Молчание. Птица в кроне дуба допела свою песню и замолчала. Ветер стих.

— Она двигается, как я, — сказал Кай. — Я видел её в деле. Ни одного лишнего движения. Ни одного звука. Она смотрит на мир так же, как я: ищет цель, ищет угрозу, ищет выход. Таких, как мы, мало.

— Хищников? — спросила Рейна.

— Выживших. — Кай помолчал. — И ещё... она смотрит на меня не как на жертву. Не как на чудовище. Не как на того, кого надо спасать или бояться.

— А как?

— Как на равного. — Он перевёл взгляд на сестру. — Ты смотришь по-другому. Ты видишь брата. Того, с кем вместе росла, кого ты лечила, за кого боялась. Это... это важно. Но это не то же самое.

Рейна не ответила. Она просто смотрела на него — тёплыми, усталыми глазами, в которых он видел всё: и детство, и боль, и любовь.

— А Лираэль? — спросила она.

— А Лираэль смотрит так, будто я — тот, кто стоит рядом с ней в бою, а не тот, кого надо тащить за собой. — Кай замолчал. — Я не знаю, почему это важно. Но это важно.

Рейна молчала. Она видела, как изменилось лицо брата, когда он говорил о Лираэль. Не слова были важны — а то, как он их произносил. Слишком тихо. Слишком осторожно. Так Кай не говорил ни о ком

— Я не знаю, что у тебя на душе, — сказала она. — Ты никогда не говоришь. Но я вижу: ты другой. Не такой, как вчера.

— Я такой же.

— Нет. — Она покачала головой. — Ты смотришь на неё иначе.

Кай отвернулся. Его пальцы, лежавшие на луке, сжались — едва заметно, но Рейна заметила.

— Я не прошу объяснений, — продолжила она. — Просто... не молчи о том, что болит. Ты же сам говорил мне: «Не держи всё в себе».

— Я не болею.

— Кай.

— Рейна. — Он наконец повернулся к ней. — Я в порядке. Правда.

Она смотрела на него долго. Потом вздохнула.

— Ладно. Но если будет не в порядке — скажи. Не обязательно словами. Просто... дай знать.

Кай кивнул. Не потому что согласился, а потому что знал: спорить с Рейной бесполезно. Рейна положила голову ему на плечо — жест, который она не позволяла себе с детства. Кай замер. Потом медленно, очень медленно расслабился. Его плечо было твёрдым и тёплым.

Они просидели так несколько минут. Птица снова запела. Солнце медленно ползло по небу.

Перед уходом Рейна заметила заросли диких цветов у подножия дуба — мелкие, белые и жёлтые, похожие на ромашки, но с острыми лепестками. Она наклонилась и собрала небольшой букет. Стебли были влажными от росы, хотя роса давно должна была высохнуть — наверное, в тени дуба она держалась дольше.

— Для Лираэль, — объяснила она, заметив вопросительный взгляд Кая. — Ей нужно пополнять силы. Цветы — это живое. Лучше, чем ничего.

Кай посмотрел на цветы. Потом наклонился и сорвал ещё один — маленький, белый, похожий на звезду. Его лепестки были тонкими, почти прозрачными. Рейна заметила, но промолчала. Она знала: если Кай хочет что-то сказать, он скажет. Если не хочет — никакие слова не помогут.

Они вышли из парка и направились к подвалу. Солнце уже клонилось к закату, и тени домов становились длиннее. Город готовился к вечеру — торговцы закрывали лавки, стражники зажигали фонари, шлюхи выходили на улицу Фонарей. Пахло дымом, жареным мясом и близкой ночью

Когда они вернулись, Гнарл и Таэлион уже были в подвале. Гнарл сидел на своём ящике, закутавшись в одеяло — его куртка сушилась на бочке, распространяя запах мокрой шерсти и тины. Таэлион сидел рядом, тоже без плаща, и что-то тихо наигрывал на расстроенной лютне, которую где-то раздобыл. Мелодия была грустной и красивой.

— Вы поздно, — сказал Гнарл, увидев их. — Мы уже начали волноваться. Ну, я начал. Таэлион сказал, что вы просто заблудились в парке.

— Откуда у тебя лютня? — спросила Рейна у эльфа, присаживаясь у стены.

— Да нашел её тут за бочками. — Таэлион указал на другой конец подвала. — Вы лучше ответьте на вопрос Гнарла, а то он тут чуть с ума не сошел.

— Мы не заблудились, — ответила Рейна. — Мы собирали цветы.

— Цветы? — Гнарл оживился. — Какие цветы?

— Для Лираэль. Ей нужно пополнять силы.

Гнарл кивнул с пониманием. Он сам купил для неё кое-что — но об этом он промолчит. По крайней мере, пока.

Рейна поставила цветы в кружку с водой и поместила на перевёрнутый ящик, поближе к вещам Лираэль. Кай положил свой белый цветок рядом. Гнарл заметил это и нахмурился, но ничего не сказал. Таэлион, не прекращая играть, чуть заметно усмехнулся.

Лираэль всё ещё не вернулась. В подвале было тихо, только звенела людня. Они ждали её.

Глава 9. Глаза и уши

Лираэль вышла тогда из подвала последней.

Гнарл и Таэлион уже скрылись за углом — она слышала, как Гнарл что-то возбуждённо рассказывает про список покупок, а Таэлион стонет в ответ. Рейна и Кай собирались у двери: Рейна проверяла саквояж, Кай стоял рядом и молча ждал. Лираэль встретила с ним взглядом — коротко, на секунду, — и кивнула. Он ответил тем же. Этого было достаточно.

Улицы Нексуса уже проснулись. Солнце висело над крышами мутным жёлтым пятном, и от этого город казался почти красивым — если не смотреть на грязь под ногами и не вдыхать слишком глубоко. Торговцы открывали ставни, грузчики таскали тюки, матросы выползали из портовых таверн и шурились на свет. Пахло солью, рыбой и жареным луком. Где-то кричали чайки.

Лираэль шла сквозь толпу, и люди расступались перед ней, сами того не замечая. Она не была невидимой — она была неправильной. Человеческий глаз скользил по её фигуре и отказывался узнавать в ней что-то знакомое. Белые перья, огромные фиолетовые глаза, лицо полярной совы — это не укладывалось в привычную картину мира, и разум предпочитал не замечать её, как не замечают тень в углу или скрип половицы в пустом доме.

Она думала об отряде.

Это было странно. Семь лет она не думала ни о ком, кроме себя. Семь лет она жила от заказа до заказа, от полнолуния до полнолуния, и единственным, что имело значение, было выживание. А теперь в её голове звучали чужие голоса. Гнарл, который укрыл её плащом и прошептал: «Теперь ты похожа на обычную сову». Таэлион, который смотрел на неё с восхищением — не как на женщину, а как на бойца. Кай, чей взгляд она чувствовала даже на расстоянии. Рейна, которая дала ей свои травы для подпитки, не прося ничего взамен.

Они заботились о ней. Они ждали её. Они шли за ней, даже не зная, куда она их ведёт. Это пугало. И одновременно — грело.

Она свернула в переулочек и начала спускаться. Теневые кварталы Нексуса были не просто районом — это был другой город, спрятанный под первым, как изнанка плаща. Здесь не было солнца. Узкие переулочки смыкались над головой, образуя туннели из гнилого дерева и осыпающегося камня. Стены были покрыты плесенью и копотью, воздух — тяжёлый, влажный, пахнущий гнилью и дымом. Где-то капала вода. Где-то плакал ребёнок. Где-то двое дрались — звук ударов, хруст кости, тишина. Лираэль прошла мимо.

Она была здесь своей. Её знали. Торговец краденным оружием кивнул ей из тени. Старая проститутка с лицом, изуродованным шрамами, убрала ногу с дороги, освобождая проход. Двое гоблинов, торгующихся из-за ржавого кинжала, замолчали и прижались к стене, когда она проходила мимо. Никто не окликал её. Никто не задавал вопросов.

Она шла к Свисту. Склад, в котором он жил, был заброшен ещё до её рождения. Огромное здание с провалившейся крышей и стенами, изъеденными грибом. Внутри громоздились ящики и бочки — одни пустые, другие набитые контрабандой. Воняло дешёвым табаком, плесенью и чем-то кислым. Свист сидел на перевёрнутом ящике в центре зала, курил трубку и смотрел на дверь. Он знал, что она придёт.

— Белая Тень, — сказал он. Голос у него был скрипучий, как несмазанная петля. — Давно не заходила. Я думал, тебя поймали.

Я была занята.

— Слышал. — Он выпустил облако дыма и вдруг ослабил, обнажив дёсны. — «Госпожа! Любимая! Ты пришла за мной!» — процитировал он противным фальцетом, явно перебивая. — Знаешь, сколько человек мне уже рассказали эту историю? Пять. За одно утро. Эльф в одной рубашке и рваных штанах, дварф с бомбой, двое людей с луком и травами, и

Белая Тень, которая тащит этого эльфа за шкуру, как котёнка. — Он хрипло рассмеялся. — Я думал, ты работаешь одна. А ты, оказывается, обзавелась свитой.

Лираэль молча смотрела на него. Её перья не дрогнули.

— Не смотри так, — продолжал Свист, всё ещё ухмыляясь. — Я не осуждаю. Просто завидую. Мне бы такую свиту — я бы тоже устроил переполох в таверне. — Он затыкнулся трубкой. — Но раз ты пришла ко мне, значит, это не светский визит. Что тебе нужно?

Информация о Башне Равновесия.

Свист перестал улыбаться. Он выбил трубку о ящик — искры посыпались на пол.

— Башня, — сказал он. — Серьёзно. Ты хочешь знать о Башне.

Да.

Он долго смотрел на неё. Потом пожал плечами:

— Ладно. Слышал я кое-что. Вчера ночью туда пришёл имперский инквизитор. Маркус Тал. Говорил с Верховным Хранителем. Сказал, что кто-то готовит проникновение. Не знаю, откуда он это узнал, но после его визита охрану усилили. Вместо шести стражников — четырнадцать. Магические ловушки на всех входах. Кого-то ждут. Или чего-то.

Лираэль молчала. Маркус Тал. Тот самый, кто убил родителей Кая и Рейны. Тот, кому человек в маске передал Ключ в таверне. Он уже был в Башне — и предупредил Орден. Но откуда он узнал о готовящемся проникновении? От человека в маске? Или у него свои источники?

Как туда добраться?

— Башня не в городе. Она на отшибе, в дне пути отсюда. Старая имперская дорога ведёт туда через поля. Но главные ворота города наверняка под наблюдением. Если вы выйдете через них — вас заметят.

Есть другой путь?

— Есть. — Свист полез за пазуху и достал мятый клочок бумаги. — Катакомбы под городом. Старые туннели, ещё со времён Первого Завета. Они тянутся под всем Нексусом и выходят к заброшенному колодцу в часе ходьбы от города. Выберетесь там — и вас никто не увидит. А от колодца уже можно двигаться к Башне.

Он развернул бумагу. Это была карта — грубая, нарисованная от руки, с пометками на полях. Линии туннелей расходились, как трещины на стекле.

— Это не точная карта, — предупредил он. — Там развилки, тупики, старые ловушки. Но лучше, чем ничего. Иди по главному туннелю, не сворачивай в боковые ответвления — они обрушились. И не задерживайся у Старого Алтаря. Там... что-то живёт.

Что?

— Никто не знает. Те, кто видел, не вернулись. — Он усмехнулся беззубым ртом. — Но ты же у нас Белая Тень. Может, ты и вернёшься.

Лираэль взяла карту. Бумага была ветхой, с обтрёпанными краями, но чернила ещё держались. Она аккуратно сложила её и убрала в карман плаща.

Спасибо.

— Не благодари. Ты всё ещё должна мне за прошлый раз.

Я помню.

— Вот и хорошо. Удачи, Белая Тень. Она тебе понадобится. Что бы ты ни задумала.

Она покинула склад и пошла обратно через теневые кварталы. Мысли крутились в голове, как стая вспугнутых птиц.

Башня далеко. Сутки пешком. Дорога опасна — старая имперская дорога наверняка патрулируется. Маркус Тал был в Башне. Он предупредил Орден. Охрану усилили. Но Ключ всё ещё там. И она должна добраться до него.

Она думала об отряде. Гнарл будет бояться, но пойдёт за ней. Таэлион будет ворчать, но сделает свою работу. Кай будет искать Маркуса Тала. Рейна будет ждать снаружи с бинтами

и надеждой. Они все пойдут за ней. В катакомбы. К Башне. В ловушку, которая, возможно, уже расставлена. Она должна предупредить их. Но она не могла приказать им отступить. Это был их выбор. Единственное, что она могла сделать — дать им всю информацию и позволить решать самим.

Солнце уже клонилось к закату, когда она добралась до подвала. Улицы окрасились в оранжевый и серый, тени стали длиннее. Где-то зажгли первые фонари. Пахло дымом и близкой ночью.

Она спустилась по ступеням и вошла. В подвале горели лампы. Гнарл и Таэлион сидели на ящиках — Гнарл, закутанный в одеяло, что-то втолковывал Таэлиону, который лениво перебирал струны расстроенной лютни. Рейна раскладывала на чистой тряпице хлеб, сыр и вяленое мясо. Кай сидел у двери, проверяя наконечники стрел.

Когда Лираэль вошла, все замолчали.

— Ты вернулась! — Гнарл вскочил с ящика, чуть не запутавшись в одеяле. — Мы волновались! Ну, я волновался. Остальные тоже, но я больше всех!

— Он волновался, — подтвердил Таэлион, не отрываясь от лютни. — Он говорил об этом каждые десять минут. «Где она? Почему её нет? А вдруг её схватили? А вдруг она попала в засаду?» Я чуть не оглох.

— Я не каждые десять минут! — возмутился Гнарл. — Максимум каждые полчаса!

Рейна улыбнулась. Кай просто смотрел.

Лираэль обвела их взглядом. Она чувствовала их эмоции — облегчение, радость, тревогу. Тёплый, живой поток чувств, который захлестнул её, как волна. Она прошла к перевернутому ящику, служившему столом, и увидела цветы.

Букетик диких ромашек стоял в глиняной кружке с водой. Рядом лежал одинокий белый цветок, похожий на звезду. А чуть поодаль — засахаренный фиолетовый цветок на тонкой палочке, завернутый в вощёную бумагу. И ещё — маленький кулёк из серой бумаги, перевязанный бечёвкой. Внутри были орешки в медовой глазури. Лираэль взяла все.

Рейна — практичная, заботливая. Кай — молчаливый, не умеющий говорить о чувствах. Гнарл — неуклюжий, искренний, готовый отдать последнее. А Таэлион... Таэлион купил орешки, потому что не знал, как сказать «я рад, что ты здесь», и решил, что сладкое скажет за него.

Её перья дрогнули. Она не произнесла ни слова, но каждый из них почувствовал это. Тепло. Благодарность. Что-то, что было больше, чем просто «спасибо». Что-то похожее на дом.

У меня новости, — передала она, и её мысленный голос был спокойным, но в нём звенела сталь. Башня далеко. Сутки пешком по старой имперской дороге. Главные ворота города под наблюдением. Маркус Тал прибыл в Башню вчера ночью. Он предупредил Орден, что кто-то попытается украсть Ключ. Охрану усилили.

Тишина. Гнарл перестал улыбаться. Таэлион отложил лютню. Рейна замерла с буханкой хлеба в руках. Кай напрягся. Его пальцы сжались на луке.

Возможно. Нам нужно быть осторожными.

— Как же мы выйдем? — спросил Гнарл.

Через катакомбы. Под городом есть старые туннели. Они ведут к заброшенному колодезю в часе ходьбы от Нексуса. Там нас никто не увидит.

Таэлион вздохнул и провёл по струнам — вышла пара фальшивых нот:

— Катакомбы. Темно, воняет, и наверняка водятся трупоеды. Что может быть лучше?

Лираэль посмотрела на него.

Ты боишься?

— Я в ужасе. — Он снова провёл по струнам, на этот раз чище. — Но я иду. Кто-то же должен отвлекать внимание, пока вы будете делать важные вещи. А если там и правда водятся

трупоеды — что ж, я всегда мечтал, чтобы меня съели в героическом подземелье. Это лучше, чем умереть от скуки.

— Трупоеды не едят эльфов, — заметил Гнарл. — Слишком костлявые.

— Откуда ты знаешь?

— Я читал. В книге. «Повадки подземных тварей». Очень полезная книга.

— Ты читал книгу о трупоедах?

— Я читаю много книг! Я механик, в конце концов!

Лираэль перевела взгляд с одного на другого. Её перья чуть дрогнули.

Вы закончили?

Гнарл и Таэлион замолчали. Рейна тихо рассмеялась.

В катакомбах есть развилки, тупики и старые ловушки. У нас есть карта, но она не точная. И ещё: там есть место — Старый Алтарь. Там что-то живёт. Что именно — неизвестно.

— Потрясающе, — сказал Таэлион. — Просто потрясающе. Мы идём в подземелье с неточной картой, чтобы встретиться с неизвестным чудовищем. Это будет весело.

— Ты же только что говорил, что мечтаешь о героической смерти, — напомнил Гнарл.

— Я мечтал, чтобы меня съели. А умереть от чего-то неизвестного происхождения — это совсем другое.

Лираэль повернулась к Каю. Он слушал молча, не перебивая.

Ты готов?

Кай сжал лук. Его пальцы пробежали по колчану — обычные стрелы, те, что он делал сам, из живого дерева. А потом — дальше. К чехлу за спиной. Где лежала она. Особенная. Из тёмного серебра. Та, что ждала.

— Готов.

Тогда выходим на рассвете.

Ночь опустилась на Нексус. В подвале было тихо. Гнарл спал, свернувшись калачиком на своей соломенной лежанке, и даже во сне прижимал к груди рюкзак с инструментами. Таэлион раскинулся на соседней, и его лютня лежала рядом — он заснул, наигрывая какую-то грустную мелодию, которую так и не допел до конца. Рейна дышала ровно и глубоко — она научилась засыпать в любых условиях. Кай сидел у двери с закрытыми глазами, но Лираэль знала: он не спит. Просто ждёт.

Она стояла у двери. Сегодня была её очередь дежурить.

Луна — почти полная — висела над крышами. Ещё два дня. Два дня до полнолуния. Два дня до того, как её тело сломается и перестроится в нечто иное. Она надеялась, что к тому времени они уже будут далеко от Башни. Или что у них будет надёжное убежище. Или...

Она оборвала мысль. Не сейчас. Сначала — катакомбы и Маркус Тал, который где-то там, за городскими стенами, ждёт их.

Впервые за семь лет ей есть что терять.

Глава 10. В катакомбы

Рассвет сочился в подвал через окошко под потолком — серый, жидкий, какой бывает только в Нексусе. Масляная лампа на ящичке давно погасла, и теперь только этот свет позволял видеть очертания бочек, соломенных лежанок и пятерых фигур, которые постепенно просыпались.

Рейна проснулась первой. Она всегда просыпалась рано — привычка, выработанная годами работы в лечебницах, где пациенты могли позвать в любой час. Она села, потянулась, размяла затёкшие плечи. Солома, на которой она спала, была жёсткой, но сухой — Кай постарался для сестры. Рядом лежал саквояж — она машинально проверила замки. Всё на месте. Бинты, мази, настойки. И два семени в замшевом мешочке на шее.

Она разожгла маленький огонь на остатках масла и поставила котелок с водой. Травы, которые она бросила в кипяток — мята и что-то терпкое, — наполнили подвал запахом, напоминающим о лесе.

Гнарл проснулся вторым. Он сел, протирая глаза, и первым делом потянулся к рюкзаку — проверить бомбы. Потом к арбалету Лираэль — тетива была натянута идеально, механизм смазан. Он потратил на это полночи, но результат того стоил. Арбалет теперь стрелял тише и дальше, чем любой имперский. Гнарл зевнул и начал бормотать себе под нос — что-то про шестерёнки, смазку и про то, как важно проверять механизмы перед ответственным делом.

Таэлион спал. Он закутался в плащ с головой, и из-под ткани торчали только спутанные золотые волосы. Лютя лежала рядом — он заснул, наигрывая какую-то грустную мелодию, которую так и не допел.

Рейна подошла к нему и легонько ткнула носком сапога в плечо:

— Вставай, эльф. Ты проспал всё самое интересное.

Таэлион приоткрыл один глаз:

— Самое интересное — это сон. Всё остальное — работа.

— Работа, которую ты не делаешь, пока спишь.

— Именно. — Он перевернулся на другой бок. — Дайте мне ещё пять минут. Или пять часов.

— Вставай. Чай стынет.

— Чай? — Таэлион приоткрыл второй глаз. — Ты меня будишь ради чая? Где эль? Где вино? Где хоть что-то, что напоминает о радостях жизни?

— Мы уходим. Забудь о вине на ближайшие сутки.

— Ты жестока, целительница. Я думал, твоё призвание — исцелять, а не мучить.

— Исцеление часто требует боли. Прими это как лечебную процедуру.

Таэлион сел, потирая шею. Его волосы торчали в разные стороны. Рейна, проходя мимо, бросила ему расчёску — простую, деревянную, с обломанными зубьями. Он поймал её и посмотрел с удивлением:

— Ты носишь с собой расчёску?

— Чтобы давать её эльфам, которые не следят за собой.

Таэлион фыркнул, но расчёску взял. А потом замер и вскинул голову:

— Стой. погоди. — Он повернулся к Рейне, которая уже отошла на пару шагов. — Ты хочешь сказать, что всё это время у тебя была расчёска?

— Да.

— И ты молчала?

— А что я должна была сделать? Объявить об этом на весь отряд?

— Я ходил с колтунами! — Таэлион прижал расчёску к груди, как святыню. — Я выглядел, как эльф, который ночевал в стоге сена! А ты просто носила с собой расчёску и смотрела, как я страдаю?

— Ты не страдал, — сказала Рейна. — Ты хвастался, что у тебя «ветренный образ».

— Это было прикрытие! Я страдал внутри!

— У тебя внутри всё в порядке. А снаружи — да, колтуны.

— И ты молчала! — Он покачал головой с видом глубоко оскорблённого человека. — Рейна, ты не целительница. Ты садистка.

— Я практичная садистка, — поправила она. — И расчёска тебе идёт.

Таэлион хотел что-то возразить, но осёкся, наткнувшись на её лёгкую улыбку. Вместо этого он вздохнул, сел на бочку и начал расчёсывать спутанные волосы, бормоча себе под нос:

— Я сто лет не держал в руках расчёску. Наверное, разучился. Сейчас сделаю ещё хуже. Буду выглядеть как мокрый ёж.

— Постарайся, — бросила Рейна, не оборачиваясь.

Кай уже не спал. Он сидел у двери и пил чай — молча, как всегда. Но что-то в нём изменилось. Он выглядел иначе — менее напряжённым. Впервые за долгое время он позволил себе настоящий сон, зная, что Лираэль на страже. Его лук лежал на коленях.

Когда Рейна разливала кипяток, Кай подвинул кружку Лираэль ближе к котелку — чтобы ей не пришлось тянуться. Она заметила. Ничего не сказала. Но её перья дрогнули.

Лираэль стояла у стены. Она не спала — ей не нужен был сон в человеческом понимании, — но выглядела лучше, чем прошлой ночью. Подпитка от цветов помогла. Засахаренный цветок от Гнарла лежал в кармане её плаща. Белый цветок от Кая — тоже. Она смотрела на отряд — на Гнарла, который бормотал над арбалетом; на Таэлиона, который наконец привёл волосы в порядок; на Рейну, которая разливала чай; на Кая, который молча ждал.

Завтрак, — передала она. И выходим.

Завтрак был тихим. Хлеб, сыр, вяленое мясо, чай из сушёных трав. Каждый ел молча, думая о своём. Гнарл крошил хлеб в пальцах — нервничал. Таэлион пытался придать лицу выражение беззаботности, но получалось плохо. Кай методично жевал, глядя в одну точку. Рейна проверяла саквояж в последний раз — бинты, мази, два семени. Всё на месте.

Лираэль достала карту Свиста и разложила на перевёрнутом ящике. Главный туннель, развилка, Старый Алтарь, выход к колодцу. Путь был не длинным, но опасным. Она провела когтем по линии, отмечая маршрут.

Держимся вместе. Не разделяемся. В катакомбах есть ловушки.

— Какие ловушки? — спросил Гнарл.

Старые. Магические. И не только.

— Потрясающе, — сказал Таэлион. — Идём в подземелье с неточной картой, где нас ждут ловушки и неизвестное чудовище. Это будет весело.

— Ты боишься? — спросила Рейна.

— Я в ужасе. Но я иду. Кто-то же должен отвлекать внимание.

Лираэль свернула карту и убрала в карман плаща.

Выходим.

Они собрались у выхода. Гнарл оглянулся на подвал — на бочки, на солому, на перевёрнутый ящик, служивший столом. Он провёл здесь всего две ночи, но это место стало чем-то вроде дома. Странного, сырого, вонючего, но дома. Таэлион закатил глаза, но тоже задержался на секунду, поправляя ворот плаща. Рейна погасила лампу — фитиль зашипел, и подвал погрузился в серый полумрак. Кай вышел первым, проверил улицу и коротко кивнул. Лираэль покинула подвал последней. Она не оглядывалась.

Улицы Нексуса встретили их серым рассветом. Город ещё не проснулся — только пекари выгружали горячие буханки из печей, да рыботорговцы тащили тележки к рынку. Пахло

дымом, морем и свежим хлебом. Отряд шёл через пустынные переулки, держась в тени. Лираэль вела их к окраине, сверяясь с картой.

Они не обсуждали порядок движения — он сложился сам. Лираэль впереди — её глаза видели в темноте лучше, чем у любой другой расы. Гнарл и Таэлион в центре. Рейна рядом с ними — на случай, если кого-то ранят. Кай замыкал — с луком наготове. Он сканировал улицу, но его взгляд то и дело возвращался к белой фигуре впереди.

Гнарл догнал Лиарель. Он боялся — совлинг чувствовала его страх так же ясно, как запах дождя. Но он ничего не сказал, просто пристроился рядом и пошёл, глядя под ноги. Она могла бы обогнать его, могла идти быстрее, но не стала. Так и шли — молча, на расстоянии локтя.

Старый склеп стоял на окраине, за заброшенным храмом. Это было полуразрушенное здание с провалившейся крышей и стенами, увитыми плющом. Внутри пахло сыростью, землёй и чем-то древним. Каменная лестница уходила в темноту, ступени были скользкими от влаги. Где-то внизу капала вода — медленно, неумолимо. Где-то шуршали крысы.

Гнарл зажёл лампу. Её свет выхватил из тьмы древние надписи на стенах — символы на языках, которых никто не помнил. Таэлион создал светящийся шар — тот поплыл над плечом эльфа, разгоняя тьму.

Лираэль шагнула на лестницу первой. Кай замыкал. Спуск был долгим. Ступени уходили всё глубже, воздух становился тяжелее. Плесень на стенах светилась тусклым зелёным. Гнарл считал ступени про себя — привычка, оставшаяся с детства. В Глубинном Престоле он каждый день спускался по лестнице в отцовскую кузницу. Сто сорок семь ступеней. Он знал каждую. Считал их, чтобы не бояться. Чтобы думать о числах, а не о темноте. Здесь, в катакомбах под Нексусом, он снова начал считать. Ступени были чужими, но привычка осталась.

На сотой ступени он сбился. Гнарл замер на полушаге. Сердце пропустило удар. Глупо, но на миг ему показалось, что темнота стала гуще, как будто только и ждала, когда он сойдёт. Он сжал лямку рюкзака так, что костяшки побелели.

— Проклятие, — прошептал он. — Сто. Дальше не помню.

Он начал заново. С единицы. И на этот раз не сбивался.

Лестница закончилась аркой — низкой, сложенной из массивных каменных блоков, почерневших от времени. За ней начинались катакомбы. Воздух здесь был другим — холодным, влажным, с привкусом древности. Лираэль шагнула под арку первой. Гнарл последовал за ней, подняв лампу повыше. Таэлион отпустил светящийся шар вперёд, и тот поплыл над плечом Лираэль, освещая дорогу. Рейна и Кай вошли последними.

Арка осталась позади. Пути назад не было. Туннели встретили их лабиринтом узких коридоров. Гнарл осмотрел стены — он знал камень, знал породу, знал, как dwarфы прокладывают туннели. Но эти коридоры были старше. Намного старше. Их строили не dwarфы — кто-то другой, кто жил здесь ещё до Первого Завета.

— Кто-то здесь был, — сказал он, указывая на следы на полу. — Недавно. Видите? Камни сдвинуты.

Кай наклонился, осмотрел следы:

— Двое. Может, трое. Прошли вчера или позавчера.

— Откуда ты знаешь?

— Пыль. Следы свежие — пыль не успела осесть.

Лираэль перевела взгляд с одного на другого. Они работали. Впервые — вместе. Она не вмешивалась.

Они двинулись дальше по главному туннелю. Через полчаса ходьбы он упёрся в завал. Огромные камни, сдвинутые так, чтобы полностью перекрыть проход. На полу — отпечатки сапог. Кто-то прошёл здесь и специально обрушил свод. Гнарл осмотрел завал:

— На расчистку уйдёт несколько часов. Если бы у нас была взрывчатка — может, быстрее. Но у меня только дымовые бомбы.

— Кто-то не хотел, чтобы мы шли этим путём, — сказала Рейна.

— Или хотел, чтобы пошли другим, — добавил Таэлион.

Пока они обсуждали, сверху посыпалась каменная крошка. Гнарл поднял голову, и в этот момент свод над ними треснул. Камни рухнули вниз с грохотом, который в узком туннеле прозвучал как гром. Пыль заволокла всё вокруг — густая, удушливая, она лезла в нос и в горло, заставляя кашлять и задыхаться.

Когда она осела, Лираэль и Гнарл оказались по одну сторону нового завала. Кай, Рейна и Таэлион — по другую.

— Эй! — голос Таэлиона доносился приглушённо, как сквозь толщу воды. — Вы там живы? Если вы умерли, я вам этого никогда не прощу!

— Мы живы! — крикнул Гнарл. — Кажется!

Кай ничего не сказал. Он просто начал разбирать завал. Его руки работали быстро, методично — он отбрасывал камни один за другим, не чувствуя, как острые края режут ладони. Кровь текла по пальцам, смешиваясь с каменной пылью, но он не замечал. В его голове была только одна мысль: она там. В темноте. Если с ней что-то случится...

Рейна окликнула его:

— Кай. Остановись. Ты поранишься.

— Она там.

— С ней Гнарл. Она не одна.

Кай замер на секунду. Потом продолжил разбирать завал — медленнее, но не останавливаясь. Рейна смотрела на брата и всё понимала и просто начала помогать.

По ту сторону завала было темно. Лампа Гнарла всё ещё горела, но её свет казался жалким в этой абсолютной, давящей тьме. Стены смыкались вокруг, как челюсти какого-то зверя. Воздух был спёртым, тяжёлым.

Гнарл пытался дышать, но не мог. Его грудь сжималась. Он знал это чувство — паника, старая знакомая. Она приходила к нему в Глубинном Престоле, когда он был маленьким и боялся темноты. Она вернулась сейчас, в этом чужом, враждебном подземелье.

— Я... — он сглотнул, но горло будто сжали. — Я подвёл. Опять. Я должен был заметить трещину. Я дварф. Я вырос под землёй. Я должен был...

Он замолчал, но не потому что закончил. Просто воздух перестал проходить. Грудную клетку сдавило, как тисками. Перед глазами всё плыло.

— Я... — Он вцепился в лямку рюкзака, но пальцы не слушались. — Я должен был... отец бы заметил... отец всегда... я...

Он зажмурился. Темнота давила со всех сторон. Он слышал свой собственный пульс — быстрый, рваный, как молот по наковальне. Из груди вырвался звук — не то всхлип, не то стон. Ему казалось, он снова в Глубинном Престоле, снова маленький, снова стоит перед отцом, и тот качает головой: «Ты позор клана».

— Я не должен был... — прошептал он. — Я всё испортил... как всегда... я...бесполезный...

Он не видел Лираэль. Не слышал, как она опустилась рядом. Просто вдруг почувствовал: она здесь. Близко. И от этого почему-то стало ещё страшнее. Потому что теперь она видела его таким. Трясущимся. Жалким. Сломленным.

Он хотел сказать «прости». Хотел объяснить, что он не всегда такой. Что это темнота. Что это всё они. Но слова не шли.

И тогда Лираэль открыла клюв.

— Ты не бесполезный

Гнарл замер. Его глаза расширились. Это был не мысленный голос — не образ, не чувство, не телепатия. Это был звук. Два голоса одновременно — высокий, как звон хрусталя, и

низкий, как гул далёкого водопада. Они сплетались в один, и этот голос был самым красивым, что Гнарл когда-либо слышал.

— Ты починил мой арбалет. Ты отдал мне свою силу. Ты укрыл меня плащом. — Она помолчала. — Ты всё ещё здесь. Этого достаточно.

Гнарл открыл рот. Закрыл. Снова открыл. Он хотел что-то сказать — что угодно, — но слова застряли в горле. Он просто смотрел на неё, и слёзы текли по его щекам, и он не мог их остановить.

— Ты... ты говоришь, — выдавил он наконец.

— Да.

— Твой голос... он...

— Я знаю.

— Нет, ты не знаешь. — Он вытер нос рукавом. — Это самый... я никогда...

Она протянула когтистую ладонь и коснулась его плеча. И сказала вслух — тихо, но отчётливо:

— Тихо. Всё хорошо. Я здесь.

И он замолчал. Не потому что она приказала — а потому что её голос был всем, что ему нужно было услышать. Его рука сама потянулась к её ладони. Она не отдёрнула. Так они и сидели в темноте — дварф и совлинг, — рядом, пока с другой стороны завала доносился скрежет камней.

Когда завал наконец разобрали и остальные пробились к Гнарлу и Лираэль, Рейна первым делом осмотрела обоих. Гнарл был бледен, но цел. Лираэль — как всегда, нечитаема. А вот Кай...

— Дай руки, — сказала Рейна.

— Я в порядке.

— Дай. Руки.

Он протянул ладони. Они были в крови — глубокие царапины от острых краёв камней, ссадины на костяшках, грязь, вьёвшаяся в раны. Кровь смешалась с каменной пылью, образовав тёмную корку, которая потрескалась, когда он разжал пальцы. Рейна достала из саквояжа флакон со спиртом и чистую тряпицу.

— Будет жечь, — предупредила она.

— Я знаю.

Она приложила смоченную тряпицу к его ладони. Кай не поморщился, хотя спирт жёг открытую плоть так, что у любого другого на глазах выступили бы слёзы. Но Кай не был «любим другим». Он смотрел в сторону — туда, где белая фигура стояла у стены. Его лицо осталось бесстрастным. Только желваки на скулах дрогнули на секунду.

Лираэль подошла неслышно. Она не спрашивала разрешения — просто оказалась рядом. Её когтистая ладонь легла Каю на плечо. Легко, почти невесомо. Он вздрогнул — не от боли.

Ты ранил руки из-за нас.

— Это царапины, — сказал Кай. — Пустяк.

Ты не должен был разбирать камни голыми ладонями.

— Должен. — Он наконец поднял на неё глаза. — Вы были с той стороны. Гнарл был с той стороны. Я не мог ждать.

Лираэль смотрела на него. Её перья чуть дрогнули. Она не привыкла, чтобы кто-то рвал руки ради неё. Семь лет одиночества научили её: никто не придёт. А этот лучник — пришёл. Не ради славы, не ради долга. Просто потому что не мог по-другому.

Спасибо, — тихо передала она. Только ему.

Кай ничего не ответил. Но его плечи — напряжённые, как струна, — чуть опустились

Рейна, заметившая этот обмен, тактично промолчала и вернулась к перевязке. Только уголки её губ дрогнули: она знала, что эта нечитаемая белая сова только что сказала её брату больше, чем сотня слов.

— Ты мог повредить сухожилия, — сказала Рейна тихо, обрабатывая раны. — Если бы камень соскользнул или разрезал глубже...

— Не соскользнул.

— В следующий раз думай головой.

Она замолчала. Потому что знала: он думал не головой. Он думал о ней. О Лираэль, которая была там, в темноте, отрезанная завалом. Рейна перевела взгляд на брата, но он уже отвёл глаза. Она вздохнула и продолжила перевязывать. Бинт лёг на ладони плотно, чисто. Она затянула узлы и отпустила его руки.

— Готово. Постарайся не разбирать завалы ближайшие пару часов.

Кай ничего не ответил. Но его пальцы чуть расслабились.

Гнарл сидел, привалившись к стене, и всё ещё не мог отдышаться. Нет, не от пыли. От неё. От Лираэль. Она говорила с ним. Вслух. Там, в темноте, когда они были отрезаны завалом, когда он паниковал и не мог дышать, — она сказала: «Ты не бесполезный». Вслух. Своим двойным голосом. И от этого всё внутри него перевернулось.

Он не расскажет об этом. Никому. Это их секунда. Их темнота. Их слова. Но сейчас, когда завал разобрали и все собрались вместе, он увидел другое. Лираэль подошла к Каю. Положила ладонь ему на плечо. Наклонила голову. Она явно что-то говорила — не вслух, мысленно, только ему. И лицо у неё было... не такое, как всегда. Мягче.

Гнарл замер. Ревность пришла не сразу — сначала удивление. А потом — тихое, ноющее чувство под рёбрами. Он не злился. Не имел права. Кай разобрал завал голыми руками, разодрал ладони в кровь. Он заслужил это беспокойство. Но где-то внутри всё равно скреблось: «А как же я?»

Он отвёл взгляд, чтобы не выдать себя.

— Что у вас тут произошло? — спросил Таэлион, отряхивая пыль с рукава. Он смотрел на Гнарла, на Лираэль, на их лица. И — при всей своей самоуверенности — не мог понять, что именно изменилось. Но что-то изменилось. В воздухе повисло то самое «что-то», которое случается между людьми, когда они переживают момент, о котором не расскажут.

— Ничего, — ответил Гнарл быстрее, чем нужно.

— Ничего, — повторил Таэлион. — Разумеется. Дварф, перемазанный пылью, с глазами человека, который только что вернулся с той стороны. Сова, которая смотрит на всех так, будто впервые видит. И ничего.

— Мы просто ждали, — сказал Гнарл. — Пока вы разберёте завал.

— И за это время ничего не случилось?

— Нет.

— Врёшь. — Таэлион не обвинял. Просто констатировал. — Но я не настаиваю. У каждого есть право на своё «ничего».

Он перевёл взгляд на Лираэль. Та посмотрела на него — ровно, без вызова. Таэлион знал: она не скажет. И не передаст мысленно. Она вообще не обязана ничего объяснять. Он уважал её за это.

— Ладно, — сказал он, скидывая лютню на плечо. — Пусть будет по-вашему. Но если это «ничего» повторится, я начну брать за него плату. Как свидетель. Или как бард. Я, между прочим, сто лет не сочинял баллад. Самое время начать.

— Сочиняй о себе, — буркнул Гнарл.

— О себе скучно. О вас — гораздо веселее. Особенно о том, как рыжий дварф и белая сова сидели в темноте и «ждали». — Таэлион подмигнул и пошёл вперёд. — Идём. Нас ждут тёмные коридоры, страшные твари и, судя по всему, ещё много «ничего».

Гнарл выдохнул. Он знал, что не сможет рассказать. Даже если бы захотел. Это было слишком... сокровенное. И в то же время он понимал: если Лираэль так смотрела на Кая, значит, между ними тоже что-то есть. Не такое, как с ним. Другое. Может, благодарность. Может, уважение. Но всё равно — что-то.

Он поднялся и пошёл следом за остальными, стараясь не смотреть на Лираэль. Но она поравнялась с ним и тихо, мысленно, спросила:

«Ты в порядке?»

— Да, — ответил он вслух, не глядя на неё.

Она не ответила. Но её перья дрогнули. И Гнарл не знал, стало ему от этого легче или ещё тоскливее.

Кай заметил, как близко Гнарл стоит к Лираэль. Как она не отодвигается. Он ничего не сказал — просто проверил, целы ли стрелы в колчане забинтованными пальцами, сжал лук и пошёл вперёд. Его лицо осталось бесстрастным. Только пальцы сжимали дерево чуть сильнее обычного.

Главный туннель был завален. Боковой, помеченный на карте Свиста как обрушенный, зиял открытым проходом. Кто-то прошёл здесь до них. Кто-то закрыл главный путь и открыл боковой. Это была ловушка — Лираэль чувствовала это. Но выбора не было. Она кивнула на боковой туннель.

Идём.

Боковой туннель привёл их в круглую пещеру с высоким сводом, теряющимся в темноте. Стены здесь были влажными, покрытыми слизью, которая слабо светилась. В центре пещеры стоял сундук. Добротный, окованный железом, с потускневшей позолотой на углах. Вокруг него были рассыпаны монеты — золотые, серебряные, медные. Они тускло блестели в свете лампы Гнарла.

Таэлион оживился:

— Сокровища! Настоящие сокровища! Я же говорил, что в подземельях должно быть золото! Это классика!

— Стой, — сказал Кай.

Но Таэлион уже сделал шаг вперёд, поправляя волосы:

— Спокойно, лучник. Я разбираюсь в антиквариате. Этому сундуку не меньше трёхсот лет. Такая работа... такие петли... Это музейный экспонат. И он полон золота. Я чувствую. У эльфов нюх на драгоценности.

— А у тебя нюх на неприятности, — сказала Рейна.

Но Таэлион уже протянул руку к монетам. И в этот момент сундук открыл глаза. Огромные, жёлтые, с вертикальными зрачками. Крышка приподнялась, обнажая ряды кривых зубов и длинный липкий язык. Сундук вдруг поднялся на десятке коротких, толстых ног — псевдоподий, которые вырвались из-под него, разбрасывая фальшивые монеты.

— Это не сундук! — заорал Таэлион, отскакивая.

Язык выстрелил в него — длинная липкая лента, которая обвила его ногу. Таэлион упал, и мимик потащил его к себе. Руки эльфа скребли по камню, оставляя белые полосы.

— Помогите! Оно меня ест! Оно реально меня ест!

Кай выстрелил — стрела вонзилась в язык. Мимик взвизгнул, но не отпустил. Из раны сочилась густая желтоватая слизь, воняющая гнилью и чем-то кислым. Гнарл, дрожащими руками, выхватил из рюкзака дымовую бомбу и швырнул её. Облако серого дыма окутало пещеру. Мимик замер, дезориентированный.

— Он не видит! — крикнул Гнарл. — Тяните его!

Рейна схватила Таэлиона за руки. Кай — за плечо. Вдвоём они вырвали эльфа из хватки. Таэлион покатился по полу, весь в слизи, но живой.

— Мой плащ! — простонал он. — Он испортил мой плащ!

— Твой плащ только что спас тебе жизнь, — сказала Рейна. — Заткнись и вставай.

Дым рассеялся. Мимик, поняв, что добыча ускользнула, переключился на новую цель. Его псевдоподии вытянулись в сторону Лираэль — пять толстых щупалец, каждое размером с руку дварфа.

Она не сразу заметила. Её внимание было приковано к товарищам, как Кай выводит Рейну из липкой слизи, как Таэлион лежит расстроенный, как Гнарл судорожно перебирает бомбы в рюкзаке. Она впервые за долгое время не была одна. Впервые боялась не за себя — за них. И эта секунда чужой уязвимости стала её собственной.

Щупальце обвило её лодыжку. Лираэль упала. Мимик потащил её к разинутой пасти, и её когти скребли по камню, не находя опоры.

Кай выстрелил снова — стрела вошла в один из жёлтых глаз. Мимик визжал, но не отпускал. Из глазницы хлынула слизь, заливая пол.

— Лираэль! — голос Кая сорвался. Он сам не заметил, как подался вперёд, будто собирався броситься за ней. Но стрелы были быстрее. Он выпустил ещё одну — в псевдоподию. Попал. Но тварь не разжала хватку.

Гнарл уже бежал. Он не слышал собственного крика. Не чувствовал, как дрожат руки. Внутри что-то оборвалось.

«Только не она. Только не она. Только не она». — Мелькала мысль в голове дварфа.

Он бросился вперёд, не думая. Его разводной ключ обрушился на псевдоподию. Раз. Два. Три. Слизь брызнула во все стороны, попала на лицо, на руки, на одежду. Псевдоподия разорвалась, и Лираэль освободилась.

Кай оказался рядом через секунду. Он не подал ей руку — он просто встал между ней и мимиком, натянув тетиву. Его лицо было белым, как её перья.

— В сторону, — бросил он Гнарлу. — Я прикрою.

Но Гнарл уже подхватил Лираэль под руку, помогая подняться. Его трясло — то ли от страха, то ли от ярости.

— Ты как? — выдохнул он. — Ты как, скажи!

Жива, — пришла мысль. Тихая, усталая. — *Благодаря вам.*

Лираэль отскочила от Гнарла. Её глаза горели фиолетовым. Тени в углах пещеры дрогнули и потянулись к ней. Она нырнула в тень — и вынырнула прямо за спиной мимика. Теневые клинки вошли в незащищённое место между крышкой и основанием. Один удар. Два. Три. Свет в жёлтых глазах погас.

Мимик издыхал, рассыпаясь грудой гнилого дерева, слизи и осколков костей — останков предыдущих жертв, которых он не успел переварить. Воняло гнилью и кислотой так, что Рейна прикрыла нос рукавом.

Таэлион, всё ещё лёжа на полу, смотрел на это месиво:

— Это... это было отвратительно.

— Ты хотел золото, — сказала Рейна, подавая ему руку. — Получил приключение.

— Я хотел золото без приключения! Это разные вещи!

— В подземельях так не бывает.

Кай выдернул стрелы из останков мимика. Потом подошёл к Лираэль. Протянул ей флягу с водой — просто молча, без слов. Она взяла. Их пальцы на секунду встретились — её когтистые, его перевязанные бинтами. Он отдернул руку быстрее, чем нужно. Она сделала вид, что не заметила. Но флягу взяла и сделала глоток.

Гнарл стоял над останками мимика, сжимая разводной ключ. Его руки дрожали. Лираэль подошла к нему. Она не сказала ни слова. Просто положила когтистую ладонь на его плечо. Он вздрогнул, но не отстранился.

Ты спас меня, — пришла мысль.

— Ты меня тоже, — ответил он. — Много раз.

Квиты.

— Квиты, — согласился он.

Кай поднял одну из монет. Она рассыпалась в пыль:

— Всё фальшивое. Иллюзия. Приманка.

Таэлион замер. Он смотрел на горсть монет, которые всё ещё сжимал в руке — когда он падал, то инстинктивно схватил их с пола. Одна за другой они рассыпались в серую пыль, оставляя на ладонях разводы.

— Фальшивое, — повторил Таэлион. — Всё фальшивое. Меня чуть не съел сундук. Ради фальшивого золота. — Он посмотрел на свои грязные ладони, на прожжённый слизью рукав, на останки мимики. — И главное, я даже не понял. Не заметил. Меня провели, как мальчишку.

— Подожди, — Гнарл поднял бровь. — Ты же у нас маг иллюзий. Сто лет создаёшь фальшивые лица, фальшивые двери, фальшивые драгоценности. И тебя обманул фальшивый сундук?

— Именно это я и сказал, — буркнул Таэлион.

— Нет, я просто уточняю. Хочу убедиться, что правильно понял. Маг иллюзий. Обманулся на иллюзии.

— Это была очень хорошая иллюзия!

— Настолько хорошая, что ты чуть не стал её обедом.

— Я был занят! Я не присматривался!

— Ты первый побежал к сундуку, — напомнил Кай, вытирая стрелы от слизи.

— Потому что я думал, что там сокровища! — Таэлион развёл руками. — А оказалось — чудовище. Это не моя вина. Это вина сундука.

— Сундук умер, — сказал Кай. — А виноватым остался ты.

— И это несправедливо.

— Зато смешно, — Гнарл усмехнулся. — Маг иллюзий, которого обманула иллюзия. Об этом можно балладу сложить.

— Только попробуй.

— Я не бард. А вот ты — да. Так что сам и сочинишь. «Баллада о сундуке, который переиграл Таэлиона Золотого». Мне уже нравится.

— Я тебя ненавижу.

— Значит, мы квиты.

Отряд двинулся дальше, оставляя за спиной останки мимики и облачко серой пыли — всё, что осталось от фальшивого золота.

Туннель расширился, и они вышли в огромную пещеру. Здесь всё было иначе. Стены покрывали не плесень, а странные символы — они слабо светились зелёным, пульсируя в такт чему-то невидимому. Воздух пах сладковато, как гнилые цветы, и в этом запахе было что-то тошнотворное, что-то, от чего хотелось зажать нос и бежать. В центре пещеры стоял алтарь — массивный, из чёрного камня, который, казалось, поглощал свет. Он пульсировал — медленно, ритмично, как сердце. И оттуда доносился звук. Медленное, влажное дыхание.

Гнарл машинально встал ближе к Лираэль. Кай натянул тетиву, не обращая внимания на боль в перевязанных ладонях. Таэлион прошептал:

— Я передумал. Давайте вернёмся к мимику. Мимик был милее.

Свист предупреждал: «Не задерживайся у Старого Алтаря. Там что-то живёт».

Что-то шевельнулось в темноте за алтарём. Что-то большое. Медленно, как пробуждение, зелёное свечение усилилось, и в его свете проступили очертания — длинные конечности, суставчатые, как у насекомого, и глаза. Много глаз. Они открывались один за другим, отражая свет лампы Гнарла. Таэлион сглотнул:

— Я надеюсь, у кого-то есть план.

Лираэль смотрела на существо. Она не знала, что это. Она не знала, как его убить. Она не знала, можно ли с ним договориться или проще обойти. Её рука сама легла на рукоять теневого клинка. Это не было планом. Это был инстинкт.

Будьте готовы, — передала она. — *Ко всему.*

— Это не план! — прошептал Таэлион.

Это не план. Это правда.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.